

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 7–8 2021
July – August**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 7–8 2021 (July – August)

ISSN 2310-5593 (Print)

ISSN 2519-1209 (Online)

Editor-in-chief

Bondarenko Natalya, Russia, Doctor of Philosophy Sciences

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abdusshalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Atayev Zagir Vagitovich, Russia, Ph.D. Geographical Sciences
Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Bogolib Tatiana Maksimovna, Ukraine, Doctor of Economics
Bolshakov Andrey Georgievich, Russia, Doctor of Political Sciences
Bondarenko Natalia Grigorievna, Russia, Doctor of Philosophy
Bulatbaeva Ayyul Abdimazhitovna, Kazakhstan, Doctor of Education
Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Economics, Doctor of Law
Dalibor Milorad Elezović, Serbia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law
Gaydin Sergey Tihonovich, Russia, Doctor of History
Gurov Valeriy Nikolaevich, Russia, Doctor of Education
Ibragimova Liliya Ahmatyanovna, Russia, Doctor of Education
Ibraeva Alua Salamatovna Kazakhstan, Doctor of Law
Ivana Blahuna, Ukraine, Doctor of Economics
Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Korzh Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Lekerova Gulsim, Kazakhstan, Doctor of Psychology

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Melnichuk Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kazakhstan, Doctor of Economics
Moldabek Kulakhmet, Kazakhstan, Doctor of Education
Morozova Natalay Ivanovna, Russia, Doctor of Economics
Moskvin Victor Anatolevich, Russia, Doctor of Psychology
Navruzoda Bakhtiyor, Tajikistan, Doctor of Economics
Novikov Alexei, Russia, Doctor of Education
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Salaev Sanatbek Komiljanovich, Uzbekistan, Doctor of Economics
Salamatovna Ibraeva Alua, Kazakhstan, Doctor of Law
Shadiev Rizamat Davranovich, Uzbekistan, Doctor of Education
Shahutova Zarema Zorievna, Russia, Ph.D. of Education
Soltanova Nazilya Bagir, Azerbaijan, Doctor of Philosophy, Ph.D. of History
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law, Doctor of Medicine
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Tereschenko-Kaidan Liliya Vladimirovna, Ukraine, Doctor of Philosophy
Tersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences
Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology
Zolotukhina-Abolina Elena, Russia, Doctor of Philosophy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o. Praha 8 – Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSČ 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage

ppublishing.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

History and archaeology

История

УДК 93/94

DOI: 10.29013/AJH-21-7.8-3-14

БИЛЯЛОВА Г. А.¹¹ Музей Алматы «Объединение музеев города Алматы», г. Алматы, Республика Казахстан

О ПРОИСХОЖДЕНИИ, РЕЛИГИИ И ПИСЬМЕННОСТИ НАЙМАНОВ

Аннотация

Цель. в статье рассматриваются вопросы этногенеза найманов на основе истории прототюркских и тюркских племен раннегосударственных объединений Центральной Азии.

Методы. Сопоставление средневековых исторических летописей, исследований современных ученых позволило выявить генеалогию племен, известных как найманы в историко-хронологической перспективе от Уйгурского каганата до государства Шагатаидов.

Систематизация разнородного по своему содержанию и интерпретации исторического материала позволило представить историю и роль найманов в эпоху раннего и позднего Средневековья в наиболее достоверной с научной точки зрения форме.

Результаты. В статье показано участие найманов в сложных процессах этногенеза казахов, узбеков, кыргызов, каракалпаков и других тюркских народов, отражена их роль в политических событиях Средневековья в Центральной Азии и Восточном Туркестане.

Научная новизна. Новый подход к теме религиозной и языковой принадлежности найманов вызван необходимостью отказа от устаревшей идеологизированной трактовки вопроса в условиях современных требований к достоверности исторических исследований. М. Джувайни, М.-Х. Дулати, чьи труды стали источником по истории найманов, основывали их описание на религиозной нетерпимости последователей ислама к найманам-манихеям.

Практическая значимость. Рассматриваемые в статье вопросы истории манихейства, оставившего неизгладимый след в религиозном мировоззрении, традиции, ритуалах всех народов Центральной Азии, а также истории найманов, игравших исключительную роль в этногенезе, исторической географии, политических событиях этого региона, могут быть использованы в научной, педагогической литературе в качестве нового подхода к проблеме этногенетических, культурных процессов в средневековую эпоху.

Ключевые слова: сяньби, юэцзи, найманы, Кушулук, манихеи, караханиды.

Для цитирования: Билялова Г. А. О Происхождении, Религии И Письменности Найманов // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – С. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-3-14>

Введение

Актуальность проблемы исследования

Исследованию процесса этнообразования народов Центральной Азии способствует изучение истории найманов, игравших существенную роль

в этнокультурных, политических событиях средневекового региона. Источниковедческий материал истории раннесредневековых найманов представляет собой разрозненное, часто фрагментарное содержание китайских, древнемонгольских, арабских

и персидских рукописей. Отсутствие целостной картины средневековой истории найманов делают актуальными также целенаправленные изыскания в области исторической географии, в частности миграционных процессов, приводивших к взаимопроникновению культур, созданию новых государственных образований и этносов.

В ходе изучения истории возникновения этнонима «найманы» предпринята попытка интерпретации этнонима на основе новых исследований российских, азербайджанских лингвистов, а также предлагается новая версия происхождения этнонима «сакиз-огузы». Отдельно рассмотрены вопросы взаимосвязи религиозных верований племен с их этнонимами, в частности, роли манихейства в культурогенезе найманов, объединивших последователей «учения света», что дает возможность проследить духовный путь развития этногенеза в эпоху раннего и позднего средневековья. Данный подход позволяет проводить исторические исследования с культуролого-религиоведческой точки зрения на процессы формирования полититических, этнических общностей в центрально-азиатском регионе. Исследуемая проблема происхождения, религиозной принадлежности, письменности средневековых найманов является важным звеном в объективной оценке их роли в этногенезе, этнокультуре, тюркской лингвистике современных народов Центральной Азии.

Краткий историографический обзор

Современные ученые выделяют во второй половине I тыс.н.э. формирование общетюркского культурного комплекса в Центральной Азии: «В рамках общих для тюркской этнической среды процессов происходило сопряженное формирование культурных традиций, связанных с собственнотюркским, огузским, кыргызским и кыпчакским этногенезом». Племена продолжали свою историю в других этнических и политических объединениях, не исчезая, а создавая новые народы уже под другими названиями [1, С. 76].

История найманов представлена в основном в связи с завоевательными походами Чингисхана, противостоянием им Кушулука, известными из «Тарих-и Рашиди» Мухаммеда Хайдара Дулати, «Секретной истории монголов» и других источников. В меньшей степени уделяется внимание в историографии этнической истории найманов, вопросам письменности и религиозных верований.

В VI–V вв. среди других культур раннетелецкая (раннеогузская) отличалась обрядами захоронения, конструкцией погребальных склепов, особенностями украшений и керамики. Как показывают исторические исследования – найманов относят к носителям этой культуры.

Новосибирский ученый Г. Пиков посвятил найманскому хану Кушулуку одну из своих статей, в которой обозначает место найманов в средневековой истории Казахстана. Он отмечает, что в XII в. найманы уже создали свое государственное объединение – улус и представляли собой сформировавшийся этнос. Во главе улуса находилась династия найманских ханов со ставкой в орде. Население Найманского ханства достигало 5 млн. из которых 200 тыс. человек состояли в регулярных войсках [2].

Следует отметить, что в империи Юань к народам с другим цветом глаз относили найманов, кыпшаков, канлы, аргынов, карлуков, онгытов. Найманы были одними из 92 родов, входивших в Золотую орду и одними из основных четырех племен, подвластных Шайбани хану. Так, найманы вошли в состав казахов, узбеков, кыргызов, каракалпаков, ногаев, кырымских татар, хазаров, монголов, сары уйгуров, саларов. Казахские найманы являются одними из наиболее многочисленных из шести племен Среднего жуза [2].

Что касается происхождения найманов – интересны сведения историка К. И. Петрова о том, что народ найманы и племена Восточного Тянь-Шаня, называемые с XI в. уйгурами, издавна известны как тогуз-огузы или «родственные огузы» [3, С. 145].

Историк и философ Шакарим Кудайбердыулы отмечал, что тюрков называли по-разному и казахи происходят из тюркской ветви – Уйгур, куда входили кыргызы, канлы, кыпчаки, аргыны, найманы, керейты доглаты, уйсуну. Этноним «уйгур» Ш. Кудайбердыулы объясняет как «объединившийся, присоединившийся друг к другу» [4, С. 41].

По мнению известного востоковеда Ю. А. Зуева происхождение этнонима «уйгур» связано с западнотохарским понятием предка уйгуров *okso* – быке (месяце, сыне Луны) [6, С. 44–45]. В составе же Уйгурского каганата были те же племена, что входили в Найманское ханство, а затем и в государства Караканидов, Шагатаидов.

Так представлена в общих чертах средневековая история найманов в опубликованных научных исследованиях ученых разных поколений, из стран с раз-

личными идеологиями и политическими установками. Наша задача обобщить эти источники, восстановить целостную картину из разрозненных фактов и событий, связанных с ролью найманов в средневековой истории Центральной Азии.

К вопросу о происхождении найманов

Найманское ханство – средневековое феодальное государство, занимающее особое место в истории Центральной Азии. Территория ханства охватывала земли Западной Монголии, Алтайского края современной России, Китая и Восточного Казахстана. Найманы занимали эти земли в течение нескольких столетий. По данным сельскохозяйственной переписи 1897–1911 гг. найманы на территории Российской империи составляли 11,4% численности казахского населения Российской империи, в том числе 95,8% казахского населения Устькаменогорского уезда, 92% Лепсинского, 88,3% Зайсанского, 47% Атбасарского, 34,4% Копальского, 24,8% Семипалатинского уездов. Каждый род владел определенной территорией, на которой находились сезонные пастбища и зимовки. Так, на южных склонах горы Белухи располагались зимовки рода каратай, в долинах рек Курчум, Жинишке, Буконь зимовали кокжарлы, юго-западнее их матай, теристамгалы, северо-западные земли занимали бура. Род байжигит занимал земли от Аягуза до р. Черный Иртыш, от Кокпекты до хребта Тарбагатай. Роду кожамбет принадлежали земли вокруг озера Маркаколь и бассейна р. Калжир, тортулы владели территорией на обоих берегах Черного Иртыша, их зимовки находились на многочисленных притоках реки [7, с. 164–166].

Вопрос о происхождении найманов связан с изучением родоплеменной генеалогии, лежащей в основе формирования данной этнической общности. Некоторые исторические источники относят найманов к потомкам хуннов, сянбэев, динленов. В частности, прослеживается преемственность и идентичность культурного комплекса племен Северо-Западной и Западной Монголии с населением Восточного Казахстана во II–I тысячелетиях до н.э. «Антропологический тип погребенных характеризуется доминирующими европеоидными чертами, а культурный комплекс сходен во многих элементах с населением сопредельных районов Средней Азии (Восточный Казахстан, Киргизия). Этот этнолингвистический пласт можно отождествить с динлинами китайских хроник, генетически связанным с тюркскими народами» [8, С. 119].

К вопросу о динлинах, населявших Китай в третьем тысячелетии до н.э. обращался и известный востоковед Л. Н. Гумилев в работе «Эфталиты и их соседи в IV в.». «Чиди или красные ди, одно из племен динлинов, отличались высоким ростом, белой кожей, белокурыми волосами, светлыми глазами, с прямыми, чаще орлиными носами. Китайцы называли их «рыжеволосые дьяволы». «Общеизвестными потомками красных ди, т.е. чиди, являются **древние уйгуры, которых нельзя смешивать с современными носителями этого имени**» [5, с. 131–132].

Отождествление современных уйгуров с Уйгурским каганатом приводит к значительным проблемам в освещении вопросов средневековой истории Центральной Азии. Как известно, этнонимом «уйгур» на мусульманском съезде в Ташкенте в 1921 г. были названы этнические группы, называвшие себя «тюрк» или по региону проживания: турфанлык, кашкарлык, хотанлык, аксулык, яркянтлык и т.д. Эти этнические группы в основном не знали родоплеменной структуры, являющейся основополагающим звеном в происхождении собственно огузских и тюркских народов, не имели «шежире» – родословной в семи поколениях. Принципиальная советская национальная политика заключалась в создании новых «советских» наций и народностей, что привело ко многим искажениям и недомолвкам при изучении процессов этногенеза народов Центральной Азии.

Описывая события исторического периода V–III вв. до н.э. Ю. Зуев, выделив кочевых и полукочевых юэцжи-пазырыкцев Алтая, характеризует их антропологический тип как европеоидный. Потерпевшая поражение от сюнну-монголоидов небольшая часть юэцжи перемещается на запад, большинство же их осталось на своих землях, в дальнейшем они не упоминаются как юэцжи [6, с. 15–16].

Само понятие юэцжи означало «род Луны» по-китайски или «лунопоклонники», т.е. определяющим фактором в формировании этнонимов в китайских источниках в данном случае выступают религиозные верования племен. Самоназвание юэцжи остается неизвестным и вместо этнонима юэцжи во II–I вв. до н.э. выступают те же племена, но под другими названиями. Из-за противоречивости исторических сведений название племенного союза постоянно менялось. Известно, что в 72 г. до н.э. гунны под предводительством таниркута Тезека Саяна пришли на Алтай, а затем стали продвигаться

на запад. Хунны, сяньбеи и динлены заселили прежние владения гуннов.

Ко времени образования Тюркского каганата эти три крупных племенных союза объединились и стали известны как союз теле. Вскоре теле были покорены тюрками. Позже, племена теле назывались огузами, союзом девяти огузов – тогузогузы. После распада Уйгурского каганата в 845 г. оставшихся в своих поселениях называли сакизогузами. Название племени Сакиз впервые упоминает Джувейни – «Кушлук асакизи». Шарафеддин Иазди (Зафар наме) также пишет Сакиз или Сакизиан [2].

Саккиз в этом аспекте является одним из племен огузов, включавших в себя племена кайы, байат, алкаевли, зыр, дегер и др. Потомками кайы, пришедших с войском Шынгысхана, считают себя кашкаи Ирана и ныне кочующие по степям провинций Фарс, Хузестан и южной части Исфахана. Интересен факт, что проживающие в современном Иране тюркоязычные курдские племена саккиз, состоят из кашкайских племен куруни, уегини, амала, даррашури, кара-уахилу, корд шули [14, 17].

О семантике «сак» азербайджанский ученый Р. Гусейнов сообщает: «Скифское название родоплеменных структур sak семантически является идентичным этнониму oqiz. Глагол iz с древнетюркского языка переводится как «следовать за кем-то». В этом случае этноним oqiz можно трактовать как объединенные (в одном направлении) стрелы» [15].

Опираясь на научные гипотезы Ю. Зуева и Р. Гусейнова, казалось разнящиеся в определении термина огузы, тем не менее, можно проследить историческую и генеалогическую связь саков и огузов. Принимая найманов за одну из ветвей огузов, отметим, что происхождение термина «найманы» следует понимать, прежде всего, как объединенные племена. Впервые этот этноним встречается в истории киданей «Ляоши», как обозначение тюркских племен сакиз-огузов, оставшихся в Монголии и Тарбагатае после ухода кыргызов. На этих землях позже образовалось раннее Найманское ханство [8, С. 149].

Интерес для исследователей представляет интерпретация кумыкским ученым К. Кадыраджиевым прототюркского най как – «ровный», «одинаковый», по маньчжурски – нэй [13, С. 366].

Если принять за основу, что этноним «найманы» связан с названием десятков племен Найманского ханства, позже входивших в состав государств Караха-

нидов и Шагатаидов, то «най ман», следует понимать как «одинаковый, похожий человек»; т.е. эти племена объединяли общее происхождение, язык и прежде всего религия.

Формат «ман» выступал в прототюркском языке в качестве энклитического местоимения, перешедшего позже в именной аффикс в названиях племен. Данный именной аффикс присутствует в таких этнонимических названиях как караман, туркман, куман, или в тюркском имени Тораман. Одного из эфталитских хаканов звали Тораман – человек, утверждающий закон (töre)» [15].

Таким образом, основываясь на исторических источниках родословную найманов можно представить так: юэцжи-динлены – хунну- сяньбеи – теле (цзубу) – тогузогузы или (сакизогузы) найманы.

О найманах караханидах и шагатаидах

Найманский хан Кушулук в 1205 году после падения Найманского ханства направился в соседнее государство каракитаев. Основной угрозой каракитаем на западе был Хорезм, плативший им дань. Приход Кушулука гурхан хотел использовать для подавления вассалов, так как сами каракитаи ослабли, потеряв язык и отюркизовавшись. Несомненно, кочевники каракитайского государства и родственные найманам племена поддерживали Кушулука.

В 1211 году Шынгыс хан со 100-тысячным войском отправляется на царство Алтан, тогда как хорезмшах в это время ведет борьбу с каракитами за города Мавераннахра. Часть найманов, подчинившихся Шынгыс хану во время его похода на восток, узнав о войне Кушулука с каракитами пришла на помощь к нему. Окрепнув, Кушулук подчиняет себе Каракитайское ханство и утверждает второе Найманское ханство (известное впоследствии как государство Караханидов) [23].

Манихейское понятие «кара» или «мрак» является одной из основ дуализма человеческой сущности, символом царя Мрака выступал дракон с головой льва. В своих сочинениях Абулгази называет кара-ханами домусульманских правителей тюрков [6, С. 213].

Каракитами называли тюрки киданей-манихеев, тогда как этноним «кытай» упоминается в числе 92 тюркских племен, преданных хану Узбекского улуса Абулхаиру.

В исторических источниках сведения о населении государства Караханидов сводятся в основном к двум племенам – ягма и чигили. Изучение истории

происхождения этих племен приводит к выводу, что ягма и чигили не были их этническим самоназванием. «Ягма – отряды, совершающие набеги (тогузогузы?). Этот народ отнял у карлуков часть владений с городом Кашкар» [16, С. 216].

Некоторые историки приводят описание Махмуда Кашгарского о происхождении чигилей, связывая его с завоеванием Александром Македонским (Зул-Карнейном – «двурогим») манихейской страны Аргу в области Таласа. По преданию полководец воскликнул, что в непролазной грязи, вызванной потоками воды, нужно построить крепость Чигиль («грязь» по-персидски). Тюрков (манихеев), носивших долгополую белую одежду, стали называть с тех пор чигилями [6, С. 191].

Об огузском племени байарку Ю. Зуев сообщает, что это: «аллоэтноним, данный соседями, типа «буддисты», «мусульмане», «христиане». Этническое самоназвание этого племени неизвестно» [6, С. 258].

Вышеприведенный исторический материал констатирует определяющим фактором возникновения этнонимов в эту историческую эпоху религиозную принадлежность племен.

А. Н. Гумилев в книге «В поисках вымышленного царства» отмечает, что правителем ягма был Бограхан, самих же ягма современники называли «бограч», отличая бограханский язык Кудатгу билиг Юсуфа Баласагунского от уйгурского (А. Н. Гумилев имел в виду, скорее всего, язык современных уйгуров). По А. Н. Гумилеву ягма не были ни карлуками ни уйгурами [5, С. 92].

Следует добавить, что богра или бура является крупным родом казахских найманов-сарыжомартов, ведущим свою родословную от Окреша («ревущего»).

Вопрос об этническом составе населения государства Караханидов тесно связан с его религиозными верованиями. Караханиды, чье историческое и культурное наследие принадлежит тюркам Центральной Азии, были, как известно, приверженцами учения Мани. Объясняя этноним «карлуки», считающихся основным населением государства Караханидов, Ю. Зуев в работе «Ранние тюрки» отмечает: «В написании термина (халухи ан «карлуки») в оксфордском (издании В. В. Бартольда) и тегеранском (изданное Хабиби, 1968 г.; им пользовался для английского перевода А. П. Мартинец) списках допущена неточность: диакретическая точка поставлена над третьей буквой, а не под ней. Следует писать и читать халаджи-

ан – «халачи». Тюркский *halas/alas* восходит к ала «пестрый», «смешанный» [6, С. 130].

Следовательно, *карлуки* – это обозначение множества племен, отличавшихся этническим разнообразием и исповадовавших одну религию, вероятнее всего – манихейство. Об отсутствии исторических данных о карлуках как едином этносе свидетельствует О. К. Караев в работе «Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа»: «Ал-Марвази сообщал, что карлуки раньше жили на Алтае, переселились в страну тюркешей, которые обитали в Семиречье, ЧуТаласской долине. Но в письменных источниках почти нет сведений о них. Они упоминаются лишь в составе войск Абу-Бекра и Султан Саид-хана» [10, С. 136].

Ценными историческими сведениями по составу населения государства Караханидов, а затем Шагатаидов являются данные, приведенные узбекским ученым Э. Асановым в работе «Где сегодня живут найманы». Часть найманов, зафиксированных в Узбекистане, появились в Мавераннахре в XIII–XIV вв. и участвовали в жизни государства Ануштегинидов. Казак-найманы, окрач-найманы, джыланлы, бурунсау, сагизул, ирганакли, алтыул, полатчи, улус, зарман, кичкилдык, чимбай, каранайман, захнайман составляют основное население сел Найман в Куvasайском, Фуркатском, Бувайдинском районах Ферганской области, а также Самаркандской области. Найманы Каракалпакстана представлены ас найманами, аччылы найманами, катанлар найманами, вакымлы найманами, буйрак найманами, тургак найманами, уйгур найманами, уйшун найманами. Также зафиксировано это название и в Исфаринском районе Согдийской области Таджикистана, где проживают таджики балгалы (род найманов), таджики найманы, таджики тартулы (род найманов). Дахбеди же считают себя узбеками-найманами. Отмечается, что найманы Самарканда и Ферганы используют карлукско-кыпчакский диалект узбекского языка. Село Окрач Ургутского района стало местом поклонения паломников узбекских и казахских найманов, так как здесь находится могила общего предка всех найманов Окрача [12].

Тот факт, что жители современного Узбекистана и Таджикистана относят себя к найманам, свидетельствует о сохранении исторической памяти об этнических корнях на протяжении сотен лет. При этом среди казахских найманов некоторые из названных родов или отсутствуют или имеют иной этноним. Можно

предположить, что подразделения найманов Узбекистана, Таджикистана, хазареи Афганистана, называющие себя найманами, стали этнической основой государства Караханидов, объединенной не только общностью этнических компонентов. Значительно отличающиеся антропологические типы найманов разных стран можно объяснить политическим союзом племен до принятия ислама исповадовавших религию манихейства.

К вопросу о религии, письменности найманов

Эпиграфические памятники являются ценными письменными первоисточниками, уточняющими исследования вопросов этнокультурного, социально-политического взаимодействия тюркских племен. Объекты изучения письменных источников по истории найманской письменности включают хронологические рамки VII–XIII вв., т.е. период выхода на историческую арену Центральной Азии собственно найманов.

Вопрос о письменности найманов был рассмотрен в монографии Л. Викторовой: «Заимствовав от найманов уже приспособленную семиреченскими киданями для монгольской группы языков письменность на уйгурской графической основе (прообразом

которой было малое киданьское письмо), монголы сделали ее государственной письменностью своей империи в 1204 г. Этот алфавит стал государственным, закрепленным для дипломатической переписки, внутреннего законодательства, мемуарной, исторической и художественной литературы письменностью всего населения империи [8, С. 119–121].

Отметим, что упоминаемый в исторических источниках найманский писарь, «хранитель печати» Тататунга, обучивший монголов староуйгурскому письму был «тамгачи», т.е. хранителем печати не как канцелярский служащий: «Печать божественного образа влечет смешанную сущность к небесам, ей запечатлевается праведная душа – Разумом света при жизни, образом Девы после смерти. Печать означает не только сходство ее носителя с высшим образцом, но и связь между ними» (Рис. 1) [25, С. 364].

Роль «хранителя печати» Тататунги в этом аспекте представляется в аккумуляции, трансляции и утверждении божественных знаний Мани в среде племен язычников. В данном случае ретранслятором послужила письменность, а вместе с ней, несомненно, основы манихейского вероучения.

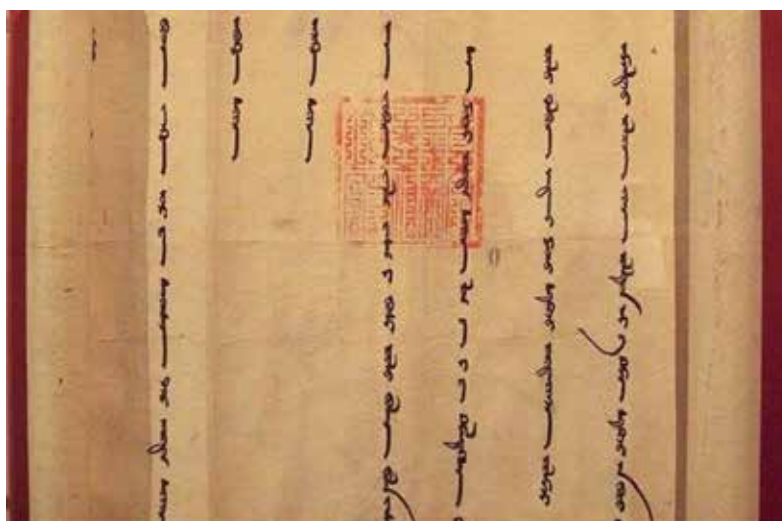

Рисунок 1. Письмо хана Газана папе Бонифацию VIII (1302 г.)

Источник: <https://historicaldis.ru/blog/43692429117/Diplomaticheskaya-perepiska-zolotoordynskikh-hanov-i-Vatikana-pi>

Предлагаемая Л. Викторовой теория о «заимствовании» киданями письменности у найманов и «приспособлении» ее для монгольских языков, наводит на мысль о том, как же она выглядела в изначальном виде. В этом аспекте вызывают интерес сведения В. Д. Горячевой в «Древнейших системах письма и памятниках эпиграфии Тянь-Шаня», в которых исследователь сообщает о безуспешных

попытках М. Е. Малова, Э. Р. Тенишева и других отнести рунические надписи на скалах Куланская и Терекская в Таласской долине к древнеуйгурской и монгольской эпиграфике: «Надпись гласит: 275-й год [эры] Хосрова. Мы написали эту надпись – государь Кюль-Тегин Алп-таркан». Иездигердское летоисчисление надписи в Таласской долине относится к 906/7 гг. – 1002 гг. н.э. и выполнена манихеями.

Упоминается имя хана Алп богра, принимавшего удельных правителей» [19].

Если эти надписи нельзя назвать древнеуйгурской или монгольской эпиграфикой, то они вправе называться той самой найманской письменностью, упоминаемой Л. Викторовой.

Здесь следует отметить что «богра» говорит о принадлежности к найманскому роду «богра» или «бура», но как и «тегин» не является титулом правящего рода. В контексте религиозной принадлежности найманов можно предположить, что «найманы» или «наймани» можно понимать как «люди Мани» или «похожие на Мани».

С манихейскими символами найманов, включавших в себя десятки племен, связано идолопоклонство, относимое часто к тенгрианству. «К этому же верованию (идолопоклонству) склоняется и Мани, когда говорит: «Люди (других религий) порицают нас за то, что мы поклоняемся Солнцу и Луне, и воздвигаем их изображения в качестве идолов, ибо они не ведают их подлинной сущности, а именно того, что они являются нашими путями и вратами в мир нашего бытия». В то же время жители Бухары поклонялись идолам (бут параст буданд). По приказу царя вырезались и раскрашивались деревянные фигурки (бут – «кумир», «идол»), предназначенные для продажи на лунном базаре» [6, с. 195–196].

Вопрос о назначении каменных изваяний на территории, населенной тюрками, не нашел окончательного решения. Однако, археологические находки 1990 года в Актогайском районе Карагандинской области могут служить подтверждением обозначения каменных идолов на территории Казахстана – как манихейских. Раскрашенные желтым, красным, черным цветом «передники» каменных изваяний из святилища Жинишке, которые, по мнению, археологов могли быть в прошлом одеты в » натуральную одежду», являются, скорее всего символами Солнца и Луны, словами Мани – «вратами в мир нашего бытия» (Рис. 2) [20].

Об изваяниях, как о «Помысле жизни», эсхатологической сущности, которая при освобождении мира соберет само себя и живописует свою душу, собрав жизнь и свет в Последнем изваянии, затем вознесется к Царю, известно из коптских мифов, сообщает Е. Б. Смагина. Остатку темного начала, собранному в бесформенный ком или глыбу, противопоставляется остаток светлого начала, изваянный светлыми божествами [25, с. 349–350].

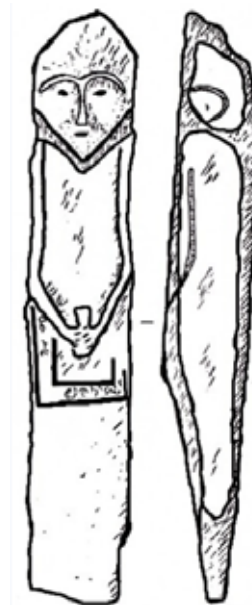

Рисунок 2. Каменные изваяния из святилища Жинишке. Карагандинская область
Источник: URL: <https://yvision.kz/post/457851#!>

Что касается крестов, изображенных на известных кайраках, относимых некоторыми исследователями к несторианским надгробным камням, то небезынтересным будет вновь обратиться к манихейской символике. О Кресте света или Душе живой стихии Света, распятой на поверхности земли в виде крестообразного расположения стихий, берущей начало в сирийском гностицизме, известно из манихейской доктрины [25, С. 353–354].

Вопросу о манихейской принадлежности кайраков с эпитафией, оставленных караханидами-манихеями на могилах умерших сородичей, посвятили работы историки А. Р. Кызласов и В. А. Кольченко.

А. Р. Кызласов в статье «Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу» высказал труднооспоримое мнение о равноконечных манихейских крестах: «Тюрки, которые в VI–VII вв. стали властителями всего правобережья Аму-Дарьи, а также земель Семиречья; тюрки, которые, как мы теперь знаем и по материалам из Ак-Бешима (Суяба), являлись манихеями по вероисповеданию; эти тюрки могли наносить на лбы малолетних детей своих татуировку только в виде характерных для манихеев равноконечных крестиков» (Рис. 3) [22, С. 145].

Кызласов А. Р. приводит исторические свидетельства Гильома де Рубрука о пребывании в земле югуров, манихейской церкви Кайлыка и присутствовавшего на манихейской службе. Рубрук отмечает, что «в

церкви не было изображений Иисуса, хотя в песнопениях звучало его имя» [22, С. 150].

Рисунок 3. Надгробный камень кайрак с манихейским крестом и тюркской надписью. Ушарал.

Городище Иланбалык.

Источник: URL: <https://voxpupuli.kz/hristiane-velikoy-stepi-kak-otkryvayut-poteryannuyu-istoriyu-kazahstana-13825/>

Ошибочным, называет историк В. А. Кольченко, самоопределение «несторианский крест» в отношении христианских находок в Жетысу (Семиречье) в «Заметках о христианстве в Чуйской долине». Автор детально описывает историю равноконечного креста с четырьмя расширяющимися к краю концами, изображенными на кайраках. Подобная форма так называемого «мальтийского» креста встречается в Византии VI–X вв., в Ливерсе (Голландия), где исторически не было несторианства.

Рисунок 4. Надгробные камни манихеев. 1312 г. Иссык-Куль.

Источник: URL: <https://www.archeology.kz/ru/1898-ilibalyk.html>

Идентичные кресты изображены на шатровом куполе иссыккульского «монастыря армянских братьев» Каталонской карты 1375 года. В. А. Кольчен-

ко называет «пустым», недопустимым применение термина «несторианский» основываясь только на иконографии, включающей в себя существенное количество различных равноконечных крестов на могильных камнях одной только Чуйской долины (Рис. 4) [21, С. 163].

Заключение

Вопрос о происхождении найманов, их роли в средневековой истории Центральной Азии остается актуальным. Данная статья является попыткой представить объективную историю найманов, выходящих на историческую арену и зафиксированных в источниках под разными этнонимами. Однако, проследив этапы формирования культур, происхождения родов и племен, а затем и государственных объединений на исторической прародине найманов, следует признать, что во многих случаях речь идет о найманах. Найманы не только создали свое государство, которое объединяло десятки племен, говоривших на одном языке, исповадовавших одну религию, но и стали основой государства каракитаев (1137–1212 гг.), хорезмшахов (1097–1231 гг.) караханидов-найманов (840–1218 гг.), шагатаидов (1227–1363 гг.).

Впервые предпринятая попытка интерпретации источников в определении этимологии и распространения этнонима «найман» на основе религиозной принадлежности, позволяет по новому осветить роль найманов в этногенезе тюркских народов Центральной Азии. Политические и социальные преобразования домонгольского и постмонгольского времени в этом регионе происходили с участием найманов, представлявших собой союз родственных племен, объединенных в государство не только на этнической, но и на религиозной основе.

Разработка и использование новых источников позволили подтвердить положения о происхождении найманов, тогда как ряд работ подвергнуты анализу с позиций современного научного знания, что дало возможность выдвинуть некоторые новые выводы и заключения.

О влиянии манихейства на суфизм можно судить по легенде о Ходже Ахмете Яссави, в которой приводится рассказ о том, что первые постройки мавзолея, начатые по повелению Тимура, разрушались быком до тех пор, пока некий старец не «передал» волю Ходжи Ахмета Яссави о том, чтобы мазар сначала воздвигли на могиле его духовного учителя Баб Арслана [23, С. 28]. О символе быка в манихействе и арслане

(льве), хранителе рода у долгополых чигилей известно из источников.

О заимствовании суфийской доктриной манихейских вероучений говорит тот факт, что часто в доксографических сочинениях богословы не различали суфиев и манихеев. Наиболее близок к манихейству хорасанский суфизм, вобравший значительное количество домусульманских, чаще манихейских установок, что позволяет говорить о заимствовании концептуальных понятий суфизма [18, С. 42].

В заключение приведем слова востоковеда В.П. Юдина, объясняющие причины сознательного искажения истории найманов-манихеев: «История чингизизма – это история рождения фантастического мировоззрения, ложной идеологии, центральной идеей которых было «мировое господство» [26, С. 18].

Историк обращает внимание на то, что чингизизм проявлял конфессиональную нетерпимость в отношении «огузизма», стоявшего на его пути: «Чингизхан «расформировывал» народы, поголовно вырубая их» [26, С. 21].

Сочинения М. Джувейни, Рашид ад-Дина, М.Х. Дулати, ибн аль-Асира, принадлежавшие мусульманским летописцам, были написаны в то время, когда «чингизизм стал мировоззрением, идеологией, философией, политической и правовой системой, культурологической доктриной. И в этом он не отличался от других религий» [26, С. 19].

Мазар на месте гибели найманского хана Кушулука в Чон Алае в Кыргызской Республике как и могила легендарного предка найманов Окреша в Узбекистане и поныне являются местом паломничества найманов разных стран.

Список литературы

1. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алматы: Рауан, 1992. – 375 с.
2. Пиков Г. Г. Памяти хана Кучлука. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.kyrgyz.ru/articles/library/gg_pikov_pamyati_hana_kuchluka_iz_istorii_stanovleniya_mongolskoy_imperii/ (свободный. Яз. рус).
3. Петров К. И. Очерк о происхождении киргизского народа. – Фрунзе.: Изд-во Академии Наук Киргизской ССР, 1963. – 146 с.
4. Кудайберды-улы Шакарим. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. – Алма-Ата: Жазушы. 1990. – 116 с.
5. Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестн. древ. ист. – 1959. – М.: Наука – вып. 1. – с. 129–140.
6. Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-пресс, 2002. – 338 с.
7. Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX-начало XX в.) – Алма-Ата: Наука. 1968. – 255 с.
8. Викторова Л. А. Монголы. Происхождение народа истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 226 с.
9. Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://kronk.spb.ru/library/gumilev-ln-1970.htm> (Яз. рус.).
10. Караев О. К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 160 с.
11. Портал «История Казахстана». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://ehistory.kz/kz/publications/view/kudiretti_naiman_handigi_5362/ (свободный. Яз. Каз).
12. Асанов Э. История и современность узбекского племени Найман [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://centralasia.media/print:1059039/> (свободный. Центр изучения региональных проблем «Континент-А» Яз. рус.).
13. Кадыраджиев К. Проблемы сравнительно-исторического изучения кумыкского и тюркского языков. Махачкала, ДГПУ, 1998. – 366 с. Кумыкский мир. Структура тюркских корней. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://kumukia.ru?id=1661> свободный/ (Яз. рус.).
14. Исламосфера. Кашкайцы – тюрки-кочевники Ирана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://islamosfera.ru/kashkajcy-tyurki-kochevniki-irana/> (свободный. Яз. Рус).
15. Историко-аналитический портал. Erevangala500.com. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://erevangala500.com/page/317.html>

16. Гаджиева В. Д. О тюркских топонимах в поэмах Низами Гянджеви // Ислам и тюркский мир: проблемы языка, литературы, истории и религии. – Мат. конф. – М.: РУДН. 2016. – С. 90–100.
17. Мусаэлян Ж. С. Из истории курдского племени мукри (1-я половина XV – начало XX в.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.orientalstudies.ru/> (свободный. Яз. Рус).
18. Башарин П. В. Ранний суфизм и манихейство // Тезисы докладов XXV международной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций. – СПб.: СПбГУ. 2009. – С. 42–43.
19. Горячева В. Д. Древнейшие системы письма и памятники эпиграфии Тань-Шаня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolsty/c/c021.html/> (свободный. Яз. рус.).
20. Каменные изваяния – величественные памятники в степи [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/6414/> (свободный. Яз. рус.).
21. Кольченко В. А. Заметки о христианстве в Чуйской долине // Manas Universiteti. Socyal bilimler Dergisi. – № 3. – Бишкек, 2002. – С. 163–182.
22. Кызласов Л. Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // Вестник Моск. ун-та. 2006. – сер. 8. – вып. 2. – С. 138–150.
23. Массон М. Б. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви // Города Туркестана. – Алматы: Ғылым, 1992. – С. 9–29.
24. Портал «История Казахстана». [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://ehistory.kz/kz/publications/view/5369?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com/ (свободный. – Яз. каз.)
25. Смагина Е. Б. Манихейство по ранним источникам. – М.: Изд. «Восточная литература» РАН, 2011. – 519 с.
26. Юдин В. П. Орды Белая, Синяя, Серая, Золотая ... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алматы: Ғылым, 1992. – С. 14–86.

Информация об авторах

Биялова Гульмира Алимгазиевна, ведущий научный сотрудник Музея Алматы, «Объединения музеев г. Алматы»

Адрес: 050012, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Кабанбай батыра, 132

E-mail: mira.bilyal@yandex.kz; Тел.: +7 (700) 653 98 82

ORCID: 0000-0003-0303-8314

G. A. BILYALOVA,¹

¹ *Museum of Almaty "Association of museums in Almaty" Republic of Kazakhstan, Almaty*

ORIGIN, WRITING, RELIGION OF THE NAIMANS

Abstract

Objective: The article discusses the issues of the ethnogenesis of the Naimans and Turkic tribes of early state associations of Central Asia.

Methods: Comparison of medieval historical annals, research of modern scientists made it possible to identify the genealogy of the tribes known as Naimans in the historical and chronological perspective from the Uyghur Kagana to the Shagataid state.

The systematization of historical material different in its content and interpretation made it possible to present the history and role of the Naimans in the era of the early and late Middle Ages in the most scientifically reliable form.

Results: The article shows the participation of the Naimans in the complicated processes of the ethnogenesis of Kazakhs, Uzbeks, Kyrgyz, Karakalpaks and other Turkic folks, shows their role in the political events of the Middle Ages in Central Asia and East Turkestan.

Scientific novelty: A new approach to the topic of religious and linguistic affiliation of the Naimans is caused by the need to abandon the outdated ideologized interpretation of the issue in the context of modern requirements for the reliability of historical research. M. Juvaini, M. Kh. Dulati, whose writings became a source on the history of the Naimans, based their descriptions on the religious intolerance of the followers of Islam towards the Manichean Naimans.

Practical significance: The issues of the history of Manichaeism considered in the article, which left an indelible mark on the religious worldview, tradition, rituals of all the folks of Central Asia, as well as the history of the Naimans, who played an exceptional role in ethnogenesis, historical geography, political events of this region, can be used in scientific, pedagogical literature in as a new approach to the problem of ethogenetic, cultural processes in the medieval era.

Keywords: xianbei, yuezhi, naimans, Kushuluk, manicheans, karakhanids.

References

1. Asanov E. Istoriya i sovremennost uzbekskogo plemeni Nayman [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://centralasia.media/print:1059039> svobodny. Tsentr izucheniya regionalnykh problem “Kontinent-A” (Yaz. rus.).
2. Basharin P. V. Ranniy sufizm i manikheystvo // Tezisy dokladov XXV mezhdunarodnoy konferentsii po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: Vostokovedenie i afrikanistika v dialoge tsivilizatsiy. – Spb.: SpbGU. 2009. – P. 42–43.
3. Viktorova L. L. Mongoly. Proiskhozhdenie naroda i istoki kultury. – M.: Nauka, 1980. – 226 p.
4. Gajiyeva V. D. O tyurkskikh toponimakh v poemakh Nizami Gyanjevi // Islam i tyurkskiy mir: problemy yazyka, literatury, istorii i religii. – Mat. konf. – M.: RUDN. 2016. – P. 90–100.
5. Goryachyova V. D. Drevneyshie sistemy pisma i pamyatniki epigrafii Tan-Shanya. [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolsty/c/c021.html> svobodny/ (Yaz. rus.).
6. Gumilyov L. N. V poiskakh vymyshlennogo tsarstva. [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://kronk.spb.ru/library/gumilev-ln-1970.htm/> (Yaz. rus.).
7. Gumilyov L. N. Eftaliti i ikh sosedi v IV v. // Vestn. drev. ist. – M.: Nauka – Vol. 1. 1959. – P. 129–140.
8. Zuyev Yu. A. Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii. – Almaty: Dayk-press, 2002. – 338 p.
9. Vostrov V. V. Mukanov M. S. Rodoplemennoy sostav i rasselenie Kazakhov (konets XIX-nachalo HKH v.) – Alma-Ata: Nauka. 1968. – 255 p.
10. Islamosfera. Kashkaytsy – tyurki-kochevniki Irana. [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://islamosfera.ru/kashkajcy-tyurki-kochevniki-irana/> svobodny/ (Yaz. rus.).
11. Kadyraiyev K. Problemy sravnitelno-istoricheskogo izucheniya kumyjskogo i tyurkskogo yazykov. Makhachkala, DGPU, 1998. – 366 p.
12. Kumyjskiy mir. Struktura tyurkskikh korney. [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: kumukia.ru/?id=1661 svobodny/ (Yaz. rus.).
13. Kamennye izvayaniya – velichestvennye pamyatniki v stepi. [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/6414/> svobodny/ (Yaz. rus.).
14. Karayev O. K. Chagatayskiy ulus. Gosudarstvo Khaydu. Mogulistan. Obrazovanie kyrgyzskogo naroda. – Bishkek.: Kyrgyzstan, 1995. – 160 p.
15. Klyashtorny S. G. Sultanov T. I. Kazakhstan. Letopis tryokh tysyacheletiy. – Almaty: Rauan, 1992. – 375 p.
16. Kolchenko V. A. Zametki o khristianstve v Chuyskoy doline // Manas Universiteti. Sosial bilimler Dergisi. # 3. – Bishkek, 2002. – P. 163–182.
17. Kudayberdy-uly Shakarim. Rodoslovnaya Tyurkov, Kirgizov, Kazakhov i khanskikh dinastiy. – Alma-Ata: Zhazushy. 1990. – 116 p.
18. Kyzlasov L. R. Simvol kresta u manikheev i sakralnoe prostranstvo goroda Suyaba na reke Chu // Vestnik Mosk. un-ta. – Ser. 8. – Vol. 2. 2006. – P. 138–150.
19. Masson M. B. Mavzoley Khodzha Akhmeda Yasevi // Goroda Turkestana. – Almaty: Gylym, 1992. – P. 9–29.

20. Musaelyan Zh. S. Iz istorii kurdsogo plemeni mukri (1-ya polovina XV – nachalo XX v.) [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://www.orientalstudies.ru/svobodny/> (Yaz. rus).
21. Petrov K. I. Ocherk o proiskhozhdenii kirgizskogo naroda. – Frunze: Izd-vo Akademii Nauk Kirgizskoy SSR, 1963. – 146 p.
22. Pikov G. G. Pamyati khana Kuchluka. [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://www.kyrgyz.ru/articles/library/gg_pikov_pamyati_hana_kuchluka_iz_istorii_stanovleniya_mongolskoy_imperii/ (Yaz. Rus).
23. Portal “Istoriya Kazakhstana”. [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://ehistory.kz/kz/publications/view/5369?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com, svobodny/ (Yaz. kaz.).
24. Portal “Istoriya Kazakhstana”. [Elektronny resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://ehistory.kz/kz/publications/view/kudiretti_naiman_handigi__5362 svobodny/ (Yaz. kaz.).
25. Smagina E. B. Manikheystvo po rannim istochnikam. – M.: Izd. “Vostochnaya literature” RAN, 2011. – 519 p.
26. Yudin V. P. Ordy Belaya, Sinyaya, Seraya, Zolotaya. Utemish-khadzhi. Chingiz-name. – Almaty: Gylym, 1992. – P. 14–56.

Information about the authors

Gulmira A. Bilyalova, leading researcher of the Museum of Almaty “Association of museums in Almaty”.

Address: 132 Kabanbai Batyr Str., 050012, Almaty, Kazakhstan

E-mail: mira.bilyal@yandex.kz; Tel.: +7 (700) 653 98 82

ORCID: 0000-0003-0303-8314

Linguistics

Лингвистика

UDK 811.111'271:130.2:316.7(73=111+8)2

DOI: 10.29013/AJH-21-7.8-15-22

A. B. YUNATSKA¹¹ Zaporizhzhya National University, Zaporizhzhya, Ukraine

RECOVERING NATIVE AMERICAN IDENTITY: INTERCULTURAL AND LINGUISTIC PERSPECTIVES ON DIVERSITY

Abstract

Objective: to identify the intercultural and linguistic markers of Native American identity reconsideration from the current sociocultural perspective of the US diversity and national unity.

Methods: historical and intercultural analysis, ethnolinguistic, semantic and discourse analysis, contextual analysis, selection and sampling, comparison, and generalization.

Results. The research addresses Native American cultural identities as part of the U.S. kaleidoscope of cultures and American National Identity. The author explores how Native Americans today reclaim their image power through unmasking and denouncement of existing social attitudes and gross misrepresentation of their heritage in media, pseudo-traditions, and specific cultural vocabulary. Through the prism of interplay between revival of authentic heritage traditions in contemporary tribal communities the article reveals the core segments of Native American path toward social change: through *opposition* to dominant Anglo values, *alternate and authentic representation* of indigenous cultures, decolonization, de-romanticized approach to long-lasting traditions, direct *verbalized associations* with Euro-American traditions claiming to appreciate inclusion and diversity and disclosure of the existing myths.

Scientific novelty: for the first time based on newly selected data the paper negotiates and analyses Native American cultural identities as part of American National Identity viewed from the modern sociocultural perspective of the US diversity and national unity; the author explores the newly outlined intercultural and linguistic indicators of the reconsidered, de-romanticized and decolonized vision of the 21st century diversity.

Practical significance: the main findings, results and conclusions of the research can be used in scholarly work and teaching, specifically, in theoretical and practical courses addressing indigenous and identity studies, critical thinking, multicultural issues, cultural awareness and intercultural communication; research in the fields of Sociocultural and Linguistic Anthropology and American Studies can be facilitated through the use of the given article.

Keywords: Native American communities, Decolonization, Symbolic meaning, Cultural bump, Intercultural communication, Empowerment, Verbalized associations, High-context cultures.

For citation: A. B. Yunatska. Recovering Native American Identity: Intercultural and Linguistic Perspectives on Diversity // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – P. 15–22. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-15-22>

Introduction

While American people are proud of their diverse multicultural society, their political and cultural multiplicity and how it has reconciled with the national unity, they often treat indigenous population of their country with a “one-size-fits-all” approach. In fact, the indigenous peoples of the United States constitute a variety of separate and diverse nations and cultures; however they are often viewed as one single homogeneous culture. In addition, indigenous tribal communities seem to be disregarded or even “erased” by a rhetoric mainly focusing on white and black people or current immigrants with little mention of the original inhabitants of the United States. At the same time, Native peoples that inhabited North America six centuries ago earlier formed more than 350 distinct communities and spoke more than 250 different languages.

At the core of the paper is the concept of survival, adaptation, resistance, and persistence of Native American tribal communities (particularly Narragansett Native American Tribe) in effective self-representation of their culture. The opportunity for new concepts to flourish as complete opposites of those that were historically formed throughout centuries as dominant ideas of Euro-American cultural communities are emphasized in this research.

By the example of indigenous tribes (namely Narragansett Native Tribe) the author explores how Native Americans today reclaim their image power through unmasking and denouncement of existing social attitudes and gross misrepresentation of their heritage, and regain empowerment. The concept of survival, adaptation, resistance, and persistence is studied via authentic verbal and non-verbal self-representation of Native cultures.

The attention turned to the captivating Native history and a number of cultural issues in this domain, because covering the American culture and society topics academics normally focus on cultural communities that are large in number rather than on small groups. Nevertheless it should be noted that the United States multiculturalism is not only the result of immigration, but also diversity of Native American tribes that lived in its territory. Apart from that, ‘small’ does not mean ‘less important’ and I argue that not only diversity, but also authenticity and indigeneity hold great significance in the United States culture.

While Native Americans are indigenous to this land and many of them take up the challenging task of educating people about their heritage, there is a huge dis-

crepancy in the immense role of these peoples for the United States and how they are misunderstood and misrepresented by the mainstream society. There is another common belief that indigenous people no longer exist and the Native American cultural legacy is a matter of history. At the same time, Native American nations have their past and present as well as continue striving for a better life of their future generations and do live in the contemporary world.

There is a great number of complicated and controversial issues concerning the present of Native Americans. Even the way we can refer to these peoples is a subtle and complex issue. The preference is definitely given to the tribal affiliation (*Hopi, Narragansett, Navajo, Mohican, Yaqui, Pequot*, etc.) as these peoples form distinct nations within one large nation. Appropriate generic names would be *Native Americans, First Peoples*, and *First Nations*, while *indigenous people* and *American Indians* are less preferable terms, because the first term is too general and the second was imposed by the European colonizers and does not imply the indigeneity.

Native American Identity has been researched from a general indigenous perspective [e.g. 1; 2; 3 4; 5; 6; 7], including truly controversial visions of Native Americans as incapable of understanding core principles of ecology [8]. As Native American Identity is multifaceted, it is important to not only differentiate between different tribes, but understand the consciousness, philosophy and identity of each of them, because they profoundly influenced their survival and persistence techniques.

Native American Identity

Negotiating identity is complex and quite complicated. Generically, identity can be defined as «qualities of a person or group that make them different from others»¹. In this paper identity is understood as shared values, language, beliefs, customs, shared practices; identity is basically, who a person is and how they think about themselves. First of all, a person’s cultural identity is connected to their beliefs, values, ethnicity, cultural norms and language.

Native peoples in the United States have managed to maintain distinct cultural identities. This has led to the intercultural conflict between the American mainstream and these minority groups. The paper traces the specificity of the “domestic conflict” between the tribal communities and Anglo-Americans, based on the state-

¹ Cambridge Dictionary of American English, Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 430.

ments given by Native American respondents representing various tribal communities in the United States. The mentioned conflict is actualized via specific *communicative strategies* and *tactics* used by the speakers.

In a conversation on race, a Native American respondent stresses that even some tribal names originate just because speakers with Anglo affiliation “cannot pronounce the real name” and generate “government’s name” (e.g. *Apache*). This results in certain *detachment* between the indigeneity and the mainstream. The Native American rhetoric is full of resistance, authenticity and resilience: “*They would tell...how awesome it is that I’ve decided to be part of my culture, but it hits me really weird, because I haven’t decided to be a part of my culture. I live it every day*”; “*to me being indigenous is to have an intimate an interconnected relationship to a homeland*”; “*land tied every aspect of who we are*”; “*being Native in a city is ... a daily reminder of your people’s erasure*”; “*preconceived notion that all Native Americans are dead*”; “*we were treated like animals*”; “*...the Native Americans ... are the only group who have to prove their nativeness*”; “*we’ve taken huge steps to decolonizing; that proof comes from people being able to have the opportunities to speak their language, to be on their ancestry land*”; “*my name means that my family survived*”; “*my existence is resistance*”¹.

One of the ways to explore the way Native Americans recover identity is to observe their discursive specificity. Though appreciating the national unity, Native Americans are likely to retain their heritage ethic and through empowerment evidently stress that the unity should reconcile with cultural diversity. The research has shown the indicator and result of the reconsidered and strengthened authenticity is the newly generated *dual culture discourse*.

Descendants of indigenous people in the United States are English-speakers. They use English as a *public language* in all spheres of everyday life. At the same time, there is one more, *private language* (their tribal language) they may use in their family life contexts. Thus, Native American identity is *dual* and complex. The current research addresses the transition of the Native American cultural identity through the prism of biculturalism and bilingualism; the author analyzes the data selected from the documentaries on tribal cultures and the Native American discourse of the tribal interviewees.

Narragansett Native tribe

The Narragansett Native tribe historically inhabited the state of Rhode Island in New England; about 1 percent of people living there today are Native American. Archaeological evidence establishes their presence in Rhode Island for approximately 10,000 years. Fundamental sociohistorical research has been done by scholars to study their resistance to the Puritans during the colonial time [e.g. 9; 10], but there has not been an in-depth complex exploration of the Narragansett authenticity and identity in the 21st century. Being evidently a small tribe, the Narragansett people are ardently recovering their identity and teach their children to preserve their culture. They are the only federally recognized tribe in Rhode Island these days and were the most powerful indigenous tribe in southern New England in the 17th century. The Narragansett history is the history of decimation, erasure and forced assimilation, survival, resistance, and persistence of Native peoples in the Northeast of the United States in general and in Rhode Island in particular (the Great Swamp Fight of 1675, “detrribalization” of the late 19th century, etc).

As most other Native American tribes, Narragansett Natives can be qualified as endangered species as there are approximately 2500 tribe members living in the United States today and about 400–500 more outside of the United States. However, the Narragansett people managed to preserve their traditional culture very well “passing it down from generation to generation and are even stronger today”. Both Narragansett Native men and women have fought with honor in every war starting with the United States revolution, were considered warriors and protected smaller tribes. Today “tribal members have careers in every profession including doctors, lawyers, teachers, artists, as well as fisherman, lobsterman, cooks, and masons”².

Beyond any doubt, the keen interest in the personality of Roger Williams, the first European settler of Rhode Island and the 9th president of the Colony of Rhode Island and the Providence Plantations is stipulated by his role the 17th century relationships between Natives and Europeans. R. Williams fervently believed in tolerance and practically spent a lifetime trying to better understand the Narragansett tribe showing a great example of

¹ A Conversation With Native Americans on Race | Op-Docs, The New York Times, 2018, retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=siMal6QVbIE>

² Narragansett Indian tribe: Reservations and Wompesu, retrieved from: URL: <http://narragansettindiannation.org/history/perseverance/>

intercultural competence and awareness. He practically followed the key principles of intercultural communication and, for a white colonial settler of the 17th century, Roger Williams had extraordinary respect for tribal rights in terms of land owning and culture.

Williams acted as a true diplomat, defender of Indian rights and a qualified anthropologist; he fully acknowledged the Native American connectedness to their land and resources. These relationship, intercultural communication, respect for the linguistic and cultural identity and fruitful cooperation resulted in a book *A Key into the Language of America* (1643), in which Williams wrote about the Narragansett language and culture.

Curiously, Williams did not approve of mass Indian conversions into Christianity and never violated their right to worship *the Great Spirit* or *Creator*. Williams had an unusual balance between admiration of Native Americans and understanding their human imperfections. It should be admitted that it is a rare accomplishment and it is worth looking back into the 17th century history, because Americans are certainly one of the emotive (though low-context and individualist) nations and should learn (like many other nations) how to recover this balance. We often really do not learn from history and as a result of changing political regimes and ideologies either create evil and hurtful stereotypes or a 'panegyric'. Demonstration of emotions and subjectivity across languages and cultures is extremely helpful and of crucial importance for the exploration of diversity, commonalities and universals [11, 121].

I would like to wrest the "Identity" subject out of stale cliché, exploring a small, but very strong community and connect their story with the general notion of American indigeneity and American National identity. To see the Narragansett tribe's representations of themselves, one could visit the Tomaquag Museum, the only Native American-operated museum in the region and a community center for Native Americans from all over southern New England located in Charlestown, Rhode Island.

Social Attitudes and Cultural Appropriation

Yet another problem that should be investigated in terms of Native Americans is cultural appropriation and perpetuation of negative stereotypes and hurtful social attitudes. "A common belief in the contemporary United States, often unspoken and unconscious, implies that ev-

eryone has a right to use Indians as they see fit; everyone owns them"¹. Many nations have sacred objects and they should be treated with respect – for example, *feathers* are an inherent right to Native Americans, but feathers as a headgear have been thoughtlessly and disrespectfully exploited by popular culture and media of the mainstream. Indigeneity in the U.S. has encountered either the problem of hurtful stereotyping or 'invisibility'.

Blind stereotyping of peoples through sports teams' mascots (e.g. *Washington Redskins*, *Chief Wahoo*, *Chief Nokahoma*) was condemned in a witty, but controversial way by Oscar Arredondo in his exhibit 'walk a mile in my shoes' (before you judge a person, you should experience their life) where he 'pays back' the mainstream through caricaturing immigrant cultures the way they caricature Indians. The point is that the visual identity should not be constructed by those external to the community. The important things are what members of a particular tribe want non-Natives and other people outside of their community to know about them and their culture.

In Arturo Islas's "Thanksgiving Border Crossing" a young girl asks her father a tough question:

"On the way to the bridge, Josie made the mistake of asking her father if they were *aliens*..."

This makes Sancho (father) very emotive when he responds:

"*Mexican and Indian people* were in this part of the country long before any *gringos*, Europeans, ... or anyone else decided it was theirs. ... I do not ever want to hear you use that word in my presence again. About anybody: We are *not* aliens. We are *American citizens of Mexican heritage*. We are *proud* of both countries and have never and will never be *that word* you just said to me" [12, P. 516].

The extended response given by Sancho and his *latter* avoidance of the slur *aliens* certainly helps to promote intercultural awareness due to embracing cultural values of indigenous and immigrant peoples. Defending the right of Mexican and Native American people to the Americanness, Sancho is still not concerned by certain facts of cultural appropriation:

"The girls, wearing *colored headdresses* they had made in art class, were acting out the *Pocahontas* story and reciting from "Hiawatha" in a *hodgepodge* of *Indian sentiment* that forced Sancho to agree in order to keep them quiet" [12, P. 512].

¹ Hirschfelder A. and Molin P. Stereotyping Native Americans, 2018. Retrieved from: URL: <https://www.ferris.edu/HTMLS/news/jimcrow/native/homepage.htm>

While it is considered to be cultural appropriation to wear Native American symbolic outfits, feather headgear, etc., because it is particularly offensive to Native Americans and misrepresents their values, the traditional cultural segments of Thanksgiving have been taught in American public schools through the *Anglo perspective*.

Symbolic meaning: Native American vocabulary

American English has been enriched by the vocabulary of Native American languages, including Narragansett, Algonquian language derivative (e.g. *Caucus*, *powwow*, *quahog*, *sachem* (a chief of a Native American tribe); there are Indianisms that turned into offensive misogynist and racist slurs (e.g. *squaw*). It is noteworthy that Native American words often signify sacred objects that long ago became inseparable from certain tribal cultures. For the Narragansett Indians and other *traditional Eastern Native* cultures it is *wampum*, which carries on an age-old tradition of creating objects of beauty (beads) and symbolism with quahog shells. *Wampum* in American slang has acquired an extra meaning “money”, while it is not, because Native Americans knew nothing about money prior to the European settlement and when Europeans referred to *wampum* as ‘Indian money,’ it was highly offensive and it still is.

The use of the word *Indian* as a synonym for ‘bogus’ and set expressions ‘Indian giver’ and ‘Indian gift’ (imply rudeness and a lack of generosity) was rooted in a series of cultural misunderstandings. These derogatory nominations came into being as a result of historical cultural bumps and lack of intercultural awareness. Unlike Roger Williams, settler colonists were not likely to try to understand the diverse Native cultures, but rather used their cultural standards while encountering those cultures [13; 14; 15; 16].

It is noteworthy that, highly polychronic, high-context tribal cultures put the main focus on tasks or activities (and not schedules) and had longer *powwows* rather than scheduled and regulated meetings in accordance with the Anglo time-management. Apart from that, tribal nations were initially collectivist cultures in which one’s strongest identity is with the tribe they belong to and the individual identity is less important; they shared a high degree of commonality of viewpoints with their immediate tribal cultures.

The idea of the national unity puts the indigenous people in a position, in which they may need to find a

balance between the values of their original tribal communities and the US culture, predominantly shaped by Anglo values.

Apart from direct decimation and displacement of indigenous peoples, the U.S. government policy significantly contributed to the loss of Native culture (e.g. the Religious Crimes Code prohibited American Indian ceremonial life, destroyed or confiscated sacred objects, under threat of imprisonment)¹, there were numerous attempts to “detrribalize” the Narragansetts and other Natives, nevertheless, they continued to persevere, maintaining traditional political and spiritual leadership, holding monthly meetings and *powwows*, and transmitting their language, lifeways, spirituality, and culture.

The symbolic meaning of the word *warrior* is more than that of a brave soldier; a warrior is a fighter in life, it is a consciousness and part of Native American identity: “...The warrior can find strength within, remember there is a *warrior within* that can *rise above*”².

Different perspectives on Thanksgiving

It is common knowledge that “in the spring of 1610, in what some consider the “first American Thanksgiving,” colonists in Jamestown, Virginia, held a thanksgiving prayer service after English supply ships arrived with much-needed food”. “In 1939, President Franklin Delano Roosevelt declared November 23, the next-to-last Thursday of the month, to be Thanksgiving Day”³.

Reconsideration of cultural appropriation and decolonization cover multiple spheres of life. Consequently, many National holidays (e.g. 4th of July and Thanksgiving) are not celebrated in a usual way. Instead of observing Christopher Columbus Day (a Federal Holiday since the 1930s), several US states celebrate Indigenous Peoples Day due to the history of colonialism and discrimination. For example, Narragansett people do not celebrate the traditional Thanksgiving in November, but have their own Thanksgiving days instead. Specifically several Thanksgivings are celebrated during the year by this community (e.g. the *Green Corn Thanksgiving*, the *Cranberry Thanksgiving*, and the *Strawberry Thanksgiving*). The point is to mark and celebrate these events the way their ancestors did before the colonial settlers. The occasions are certainly connected with respective harvest of corn, cranberry or strawberry, while the idea of

¹ Zotigh D. Last real Indians, 2019. Retrieved from: URL: <https://lastrealindians.com/news/2019/7/4/celebrating-our-resiliency-by-earth-feather-sovereign>

² Cecelia Rose LaPointe, 2017. Retrieved from: URL: <https://www.anishinaabekwe.com/blog/poem-warrior>

³ Thanksgiving. Library of Congress. Retrieved from: URL: <https://www.loc.gov/classroom-materials/thanksgiving/>

the first encounter with the colonial settlers in the 17th century is not put in the center.

Discrimination and its outcomes as well as the opposition to hidden social exclusion can be observed and effectively researched through discursive and linguistic markers as well as communication strategies [17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25].

In the 2015 project Native American people, representing different tribes needed to verbalize and talk out their associations with Thanksgiving¹. The vocabulary they used can be divided into three categories:

1. Highly negative.
2. Friendly and positive.
3. Neutral or technical.

At the same time, critical analysis shows that the Native American perspectives on Thanksgiving are different from the traditional Euro-American vision. Vocabulary used by the Native American respondents as direct association with Thanksgiving was: **Highly negative:** *lies, total sadness, creation myths, what we lost, inaccurate, colonization, terrible, brutal, (horrible) atrocity, massacre, romanticized*; **Friendly and positive:** *family, celebration, warm, thankful*; **Neutral or technical:** *turkey and white pilgrims*.

As a result of this research, it is clear how important it is to address different cultural perspectives. There are Americans (of all ethnic, racial backgrounds) who do not embrace the holiday and give alternate responses to Thanksgiving. Many respondents think that the holiday is ambiguous and the ambiguity requires the tradition to *be reconsidered, de-romanticized, and decolonized*.

When representatives of different tribal communities say that Thanksgiving is pretty much about the *creation myths* and that the holiday makes them ponder over “who they are”, “what they lost” they reclaim their history, heritage and identity. Saying “they slaughtered millions of *us*”, one respondent uses the pronoun *us*. In their rhetoric the tribal communities’ members are likely to divide Americans into *in-groups* (indigenous people) and *outer-groups* (settler colonists).

More complicated ambiguous nature of the holiday is outlined in the characteristics “*a day for football and lots of good eating*”, “*I try not to think what it really represents*”; “*I like the overall idea of Thanksgiving, but not what it actu-*

ally comes from”. Some people may be more flexible and abide the traditional Thanksgiving, but the point then is to overlook the reality and the cruel story behind it. These associations also imply the ambiguity of the holiday – the idea of giving thanks is great and rewarding, while the historical background is scary.

Activists in New England today have a great commitment to increase support to students as they understand that everyone in the United States, except for Native Americans, came from a different country. Proponents of diversity and inclusion stress that many prestigious Universities located in former Native American territories exist today exclusively because of its settler colonial displacement of indigenous people and occupation of their territories [26, 116].

Native American people have a strong connection to their land, they “inherit an innate sensibility about the world, a consciousness, that developed separately and apart from the experience of other peoples who were not indigenous to this land”. It is a worldview that is inherent in Native American tribal traditions, most of which were handed down orally in the tribal languages².

The given research promotes cultural awareness and celebrates diversity, defining the place of authenticity and indigeneity in contemporary American ‘mosaic’ and exploration of Native American worldview.

Conclusions

Racial attitudes cannot be part of identity construction, though it may provoke resistance and persistence techniques characteristic of Native peoples. Cultural change however is part of cultural identity and Native communities do not remain static. In the 21st century the most effective tools and ways of taking action and struggling with misrepresented portrayals of Native American communities in media and entertainment are used. Through combatting silly characterizations and harmful stereotypes tribal communities can reclaim their image power.

The *culturally marked vocabulary* and *discursive* power formations in Native American discourse can serve as steps toward empowerment and successful interaction with western social institutions.

Native American identity and self-determination are recovered and constructed; the crucial constituents their

¹ Thanksgiving. Native Americans. One Word Cut. Available at: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jGc34FeFqH0>

² Horse P. G. Native American Identity. Retrieved from: URL: https://convention.myacpa.org/houston2018/wp-content/uploads/2017/11/Horse_2005.pdf

identity comprises are: language, locality, religion, etc.; their generic core features of mentality are: indigenous sensibilities, their vision of nature, creativity, etc.

Indigeneity has been misunderstood and misrepresented by the typical social attitudes about Native Americans in the U.S., there has been verbal and non-verbal stereotyping of Native Americans and their sacred symbols and integral features have been exploited in popular media and social life.

Native tribes (e.g. the Narragansett tribe) mostly represent collectivist, high-context and polychronic societ-

ies and are likely to have personal self-concepts of their *Indianness* and belonging to their tribal heritage. Thus, it is important to increase the knowledge of Native Americans beyond a colonial perspective.

The core segments of Native American path toward social change are: through *opposition* to dominant Anglo values, *alternate and authentic representation* of indigenous cultures, decolonization, de-romanticized approach to long-lasting traditions, direct *verbalized associations* with Euro-American traditions claiming to appreciate inclusion and diversity and disclosure of the existing myths.

References

1. Allen Ch. Blood Narrative: Indigenous Identity in American Indian and Maori Literary and Activist Texts. – Durham: Duke University Press, 2002. – 320 p.
2. Allen P. G. The Sacred Hoop: Recovering the Feminine in American Indian Traditions. – Boston: Beacon Press, 1986. – P. 245–247.
3. Bachman R. Death and Violence on the Reservation: Homicide, Family Violence and Suicide in American Indian Populations. – New York: Auburn House, 1992. – P. 353–356.
4. Champagne D. and Jay S. Native American Studies in Higher Education: Models for Collaboration between Universities and Indigenous Nations. Walnut Creek, CA: Alta Mira Press, 2002. – 256 p.
5. Coward J. M. The Newspaper Indian: Native American Identity in the Press, 1820–1890. – Urbana: University of Illinois Press, 1999. – 272 p.
6. Darian-Smith E. New Capitalists: Law, Politics and Identity Surrounding Casino Gaming on Native American Land. – Belmont, CA: Thomas/Wadsworth, 2004. – 144 p.
7. Keene A. J. College pride, Native pride: a portrait of a culturally grounded precollege access program for American Indian, Alaska Native and Native Hawaiian Students. Harvard Educational Review, – 86(1). 2016. – P. 72–97.
8. Krech Sh. The Ecological Indian, W. W. Norton & Company, 2000. – 320 p.
9. Geake A. R. A History of the Narragansett Tribe of Rhode Island: Keepers of the Bay (American Heritage). The History Press, 2011. – 160 p.
10. Warren J. A. God War and Providence: The Epic Struggle of Roger Williams and the Narragansett Indians against the Puritans of New England. – Scribner; 1st Edition, 2018. – 304 p.
11. Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: Diversity and Universals. – Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme – Paris, 1999. – 349 p.
12. Islas A. Thanksgiving Border Crossing // Encountering Cultures. Reading and Writing in a Changing World / ed. by R. Hulet. – NJ: A Blair Press Book, 1992. – P. 512–520.
13. Escudero K. A. Dual Minority Mixed Race Activists and the Cultivation of Cross-Racial/Ethnic Coalitions in the Post-Loving Era. Creighton Law Review, – Vol. 50. 2017. – P. 725–735.
14. Gwyneira I. G., Joseph J. J., Hoover Elizabeth, Lefthand C., Stewart H. B. “Native American Perspectives on Health and Traditional Environmental Knowledge” Environmental Health Perspectives, – 126(12). 2018. – 37 p.
15. Montero I. “Indigenous Naturalists”. In Worlds of Natural History, edited by Helen Curry, Emma Spary, James Secord, and Nick Jardine, – Cambridge: Cambridge University Press. 2018. – P. 112–130.
16. Trujillo V. So That the Thieves Will Not Inherit the Earth: Writing and the Fugitive Translation of Indigenous Land Reclamation, Journal of Critical Ethnic Studies, – Vol. 1. – No. 3. – Spring, 2017. – P. 59–89.
17. Dijk T. A. van Prejudice in discourse: An analysis of ethnic prejudice in cognition and conversation. – Amsterdam: Benjamins, 1984. – 294 p.
18. Dijk T. A. van, Kintch W. Strategies of discourse comprehension. – New York: Academic Press, 1983. – 362 p.

19. Dijk T. A. van Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice // Text. Amsterdam: Mouton Publishers. 1983. – Vol. 3–4. – P. 375–404.
20. Huber C. Compound Ethnicity, Compound Identity // Nahe Fremde – fremde / Nähe. Frauen forschen zu Ethnos, Kultur, Geschlecht / Ed. By C. Höllhumer et al. – Wein, 1993. – P. 103–121.
21. Voronchenko T. Contemporary Chicana/o Literature and Creativity of Other Hispanic Groups: 1980s-1990s: In Search of New Definitions and Designs: American Literature in the 1980–90's / ed. by Yu. V. Stulov. – Mn.: European Humanities University, 2001. – P. 133–149.
22. Feeley Francis Mc Collum Made in the U.S.A.: American Multiculturalism as a legacy of Racism and imperialistic Wars: In Search of New Definitions and Designs: American Literature in the 1980–90's / ed. by Yu. V. Stulov. – Mn.: European Humanities University, 2001. – P. 8–20.
23. Cran W. and Mac Neil R. Hispanic Immigration: Reconquest or assimilation? In Do you Speak American? New York: A Harvest Book Harcourt, Inc., 2005. – P. 89–114.
24. Yunatska A. B. Latina Intercultural Identity Transition: Sociolinguistic and Gender Perspective, Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, – No. 1–2. 2017. – P. 14–19.
25. Yunatska A. B., Khamitova G. A. A Contemporary Racist Discourse as a Form of “Pretend-to-be” Political Correctness, New Philology Journal, – Zaporizhzhya: ZNU, – No. 77. 2019. – P. 75–79.
26. Yunatska A. B. Verbal representation of immigrants' social inclusion and integration in the USA. New Philology Journal, – Zaporizhzhya: ZNU, 2018. – P. 113–117.

Information about the author

Anna Yunatska, Doctor of Philology, Associate Professor in Foreign Philology Department, Zaporizhzhya National University, Ukraine

Address: 66 Zhukovskogo Str., 69600, Zaporizhzhya, Ukraine

E-mail: yunatskaya_a@ukr.net; Tel.: +38(061)289–12–27

ORCID: 0000-0003-4576-5368

Pedagogy

Педагогика

УДК 811.111:377.3

DOI: 10.29013/AJH-21-7.8-23-28

БАЛЬЦЕВИЧ Ю. И.¹

¹ Минский государственный профессионально-технический колледж монтажных
и подъемно-транспортных работ, г. Минск, Беларусь

ОБУЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ОСНОВЕ СИТУАТИВНОГО ПОДХОДА ПРИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩИХСЯ

Аннотация

Цель раскрыть особенности процесса обучения межкультурной компетенции на основе ситуативного подхода в условиях иноязычного профессионального общения, которое ориентировано на активную учебно-познавательную деятельность учащихся.

Методы: наблюдения, сравнения, обобщения, системного анализа, конкретизации.

Результаты. На основе сравнительно-сопоставительного анализа учебного материала рассмотрена межкультурная компетенция как фундаментальная основа для аккумуляции и расширения знаний об этнокультурных традициях, стереотипов мышления, моделей поведения, выявлены процессы профессиональной социализации учащихся, представляющие собой необходимую питательную среду формирования иноязычной межкультурной компетенции.

Научная новизна. В статье представлена интеграция субъектов межкультурного пространства с целью создания условий для речевого развития при профессиональной социализации учащихся.

Практическая значимость: В статье предлагаются практические рекомендации по организации учебной деятельности с целью обучения межкультурной компетенции на основе ситуативного подхода при профессиональной социализации учащихся.

Ключевые слова: межкультурная компетенция и компетентность; поисково-познавательная деятельность; иностранные коммуниканты; межкультурная коммуникация; интерактивные технологии; диалог культур.

Для цитирования: Бальцевич Ю. И. Обучение Межкультурной компетенции на основе ситуативного подхода при профессиональной Социализации учащихся // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – С. 23–28. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-23-28>

Введение

Расширение и изменение характера международных связей нашего государства, социально-экономические и культурные преобразования, происходящие в Республике Беларусь, настоятельно потребовали

появления и широкого применения межкультурной компетенции. Такая необходимость очевидна, так как большинство специалистов в своей профессиональной деятельности сталкиваются с проблемой адекватного восприятия речи собеседника.

На сегодняшний день резко увеличилась необходимость не только в профессионалах с высоким уровнем знания иностранного языка, но и специалистах, учитывающих характерные этномодели вербального и невербального общения иностранных коммуникантов с учетом культурных и ментальных различий носителей языка в ситуациях межкультурного взаимопонимания и познания. Этим и объясняется актуальность данной статьи.

Важно отметить, что ситуативный подход при обучении межкультурной компетенции раскрывает абсолютную взаимосвязь и взаимозависимость следующих аспектов: когнитивный (т.е. познавательная деятельность, направленная на установление связи между языком, мышлением и культурой иностранных коммуникантов) и аксиологический (знание реалий и особенностей структуры ценностного мира иностранного адресата) [2].

Осуществление межкультурной коммуникации в рамках изучаемой дисциплины «Иностранный язык делового общения» невозможно без использования ситуативного подхода, который предусматривает применение языкового материала в профессионально направленных ситуациях. Таким образом, происходит интеграция субъектов межкультурного пространства с целью создания условий для речевого развития на основе коммуникативной ситуации.

Профессионально ориентированные ситуации активизируют мыслительную деятельность и стимулируют использование при этом определенного языкового материала [1].

Следовательно, главная цель статьи заключается в том, чтобы раскрыть особенности процесса обучения межкультурной компетенции на основе ситуативного подхода при профессиональной социализации учащихся, показать его эффективность и предложить практические рекомендации по организации учебной деятельности в условиях межкультурной коммуникации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд последовательных задач:

- обосновать необходимость обучения межкультурной компетенции на основе ситуативного подхода в условиях иноязычного профессионального общения;
- раскрыть сущность функционирования языковых средств, используемых в различных ситуациях профессионального общения;

– включить виды учебной деятельности с целью обучения межкультурной компетенции в методическое обеспечение учебных занятий.

При подборе ситуации на учебных занятиях я руководствуюсь следующими факторами: формулировка коммуникативного задания, мотивационное целеполагание, актуальность материала, межкультурная ценность профессионально направленной ситуации.

Основная часть

Ситуативный подход охватывает всю систему обучения иностранному языку, включая в себя подбор и использование учебного материала межкультурного характера, а также функционирование языковых средств при выполнении коммуникативных заданий. При этом обучение межкультурной компетенции на основе ситуативного подхода происходит во всех видах речевой деятельности.

Поскольку концепция обучения межкультурной компетенции с использованием принципа ситуативности предусматривает обучение иностранному языку как средству межкультурного общения при осуществлении коммуникативно-познавательной профессиональной деятельности специалиста, то это условие представляется решающим и методически обоснованным исходя из разрабатываемой педагогической деятельности [6]. Именно это условие позволяет развить у обучаемых нормы адекватного профессионального общения в современном мире, подготовить их к межкультурной коммуникации.

Почти невозможно проявить свою межкультурную компетенцию в условиях иноязычного общения без взаимодействия с иностранным коммуникантом. Непосредственно в межкультурном диалоге раскрываются те составляющие, которые учитывают межкультурные коммуникативные расхождения в процессе общения и гарантируют эффективное общение с носителем иностранного языка [13].

Для создания ситуации межкультурного характера я организовала встречу с иностранным коммуникантом, т.е. носителем языка для своих учащихся. Это был выпускник колледжа Нью-Йорка, который готовился к поступлению в университет. Будучи крайне любознательным, он приехал к нам в Минск, чтобы познакомиться с белорусской культурой. Таким образом, на учебном занятии мы создали ситуацию межкультурного характера посредством организации круглого стола. В течение всего занятия мои учащиеся задавали разные вопросы. Мы рассматривали разнообразные аспекты

культурного наследия стран. Мною были подготовлены коммуникативные ситуации, предусматривающие межкультурные различия в вербальном и невербальном поведении участников общения. Наша встреча оказалась очень продуктивной, учащимся удалось избежать ситуации межкультурного барьера и непонимания. Таким образом, общение с иностранным коммуникантом, новизна и актуальность предлагаемой информации межкультурного характера способствовали обучению межкультурной компетенции, а также мотивировали моих учащихся на дальнейшее углубленное изучение языка в рамках межкультурного общения.

Преподаватели иностранного языка отмечают, что для формирования знаний о нормах социально-вербального поведения и знаний о невербальных средствах общения, а также фоновых знаний, которыми обладают участники межкультурного общения, необходима дополнительная учебно-речевая тренировка, моделирующая профессиональная коммуникативно-познавательная деятельность, направленная на усвоение как языкового, так и межкультурного материала [8].

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что ключевым моментом в организации обучения иноязычному профессиональному общению является использование принципа ситуативности.

Например, по дисциплине «Иностранный язык делового общения» при изучении темы «Examining Cultural Behaviour», мною предлагаются задания, предназначенные для развития понимания учащимися культурно обусловленного поведения носителей английского языка и понимания влияния родной культуры на их собственное поведение. Данные задания предоставляют учащимся возможность провести межкультурное лингвострановедческое сопоставление, сочетать активную коммуникативность с сознательно-сопоставительным анализом, а также углублять знания иностранного языка как диалогом двух культур в рамках межкультурного общения:

- вы находитесь на международной выставке современных технологий в Лондоне. Составьте диалог с одним из участников этого мероприятия. Помните, что этот человек может стать вашим потенциальным партнером. Постройте диалог таким образом, чтобы он оказался продуктивным и успешным для вас;

- культурные различия между белорусскими и американскими менеджерами оказались довольно серьезным препятствием для американских компаний, которые инвестируют в Беларусь. Вам необхо-

димо провести успешные переговоры, сконцентрироваться на фактах и технической информации, а также на качестве продукции вашей компании. Подготовьте диалог с учетом межкультурных различий.

Для обучения межкультурной компетенции на основе ситуативного подхода в условиях иноязычного профессионального общения учащихся следует выделить следующие виды учебной деятельности:

- исследовательские задания (разработка проблемных задач, нацеленных на социокультурное исследование страны изучаемого языка, максимально учитывающих межкультурные различия иностранных коммуникантов). Мною предлагаются коммуникативно-познавательные задания на установление связи между языком, мышлением и культурой. На учебном занятии после просмотра фильма «Вне себя» учащимся предлагаются стимулирующие вопросы для сравнительно-сопоставительного анализа средств родного и иностранного языков для выражения схожих идей и связь речевых средств с мышлением народа изучаемой культуры. Следовательно, происходит знакомство с культурой при изучении социально-культурных особенностей социума, отработка материала межкультурного характера осуществляется на основе фрагментов из художественных произведений или фильмов;

- ситуации межкультурного взаимодействия (именуемые «диалог культур») – осознанное восприятие и оперирование фоновыми знаниями о национальной культуре иностранного коммуниканта в условиях профессиональной социализации учащихся. При этом происходит интеграция дисциплины «Иностранный язык» с дисциплинами профессионального компонента. Для продуктивного проведения дискуссии мною подбираются увлекательные и насыщенные темы, к примеру, «Иммиграционные проблемы в Великобритании», «Интернет-реклама, как важный инструмент современного маркетинга» и т.д.;

- подготовка рефератов, сообщений. Посредством коммуникативно-познавательной деятельности происходит информационное насыщение содержания материалом, отражающим социокультурные особенности и национально-специфические компоненты иностранных коммуникантов;

- ролевые игры. Ролевая игра, в которой отрабатываются коммуникативные навыки «диалога культур» стимулирует творческую активность учащихся. В процессе ролевой игры учащиеся выступают в роли представителей разных культур. В зависимости от

коммуникативной ситуации общения они должны грамотно подобрать стиль общения, оперируя знаниями межкультурного характера. При этом они должны использовать определенные языковые средства для достижения межкультурного взаимопонимания. Например, ролевая игра «Polluting the air». Американская компания построила завод на территории Беларуси по производству автомобильного оборудования. Спустя некоторое время был осуществлен выброс вредных веществ в атмосферу. Были направлены представители белорусских властей на завод для обсуждения создавшейся экологической проблемы и поиска оптимального решения данной ситуации;

– проектные задания. Ежегодно учащиеся нашего учебного заведения с большим энтузиазмом принимают активное участие в научно-практической конференции «Молодежь XXI века. Интеллект и инициатива», целью которой является сравнительно-сопоставительный анализ, обобщение информации межкультурного характера и представление проекта для широкой аудитории.

Таким образом, основополагающим принципом в обучении межкультурной компетенции при профессиональной социализации учащихся является принцип ситуативности. Для того, чтобы состоялось полноценное общение в условиях межкультурной коммуникации, необходимо выделить те ситуации, которые имитируют будущую профессиональную или общественную деятельность учащихся (знакомство, общение с людьми разного возраста и статуса, телефонные переговоры, правила поведения в гостях, на официальных ужинах и дружеских вечеринках и др.). Разработанные нами примеры помогают постичь систему ценностных нормативов народа стран изучаемого языка, сформировать знания о нормах социально-вербального поведения, фоновые знания, которыми располагают все члены данной националь-

но-культурной языковой общности, а также предоставляют учащимся возможность провести межкультурный сознательно-сопоставительный анализ.

Заключение

Межкультурная компетенция играет большую роль в иноязычном профессиональном общении, являясь целостным комплексом фоновых знаний о национальном менталитете и ценностных ориентирах страны изучаемого языка. Обучение межкультурной компетенции на основе ситуативного подхода позволяет выработать стратегии речевого взаимодействия с иностранными коммуникантами, учитывая их специфические модели поведения и общения. Обучение межкультурной компетенции на основе ситуативного подхода в условиях иноязычного профессионального общения позволяет ориентировать систему обучения иностранным языкам на изучение тех составляющих иной национальной культуры, которые реально обеспечат эффективное профессиональное общение и помогут избежать межкультурного непонимания и барьера.

Использование различных видов учебной деятельности при обучении межкультурной компетенции на ситуативном подходе способствует интегрированию и творческому преобразованию учебного материала, активизации самостоятельных речевых действий согласно нормам и культурным традициям иностранного коммуниканта, а также развитию мотивации к изучению иностранного языка.

Межкультурная компетенция стала своеобразной производительной силой, а профессиональная социализация – экономической категорией, т.е. реальным фактором, условием прогресса общества. Иностранный язык является средством межкультурной коммуникации с субъектами-носителями иноязычной культуры, обеспечивающим языковую, коммуникативную, социокультурную и профессионально направленную компетенции личности.

Список литературы

1. Бабинская П. К. Коммуникативно-когнитивный подход к овладению иностранным языком как средством межкультурной коммуникации // *Замежные мовы у РБ*. 2015. – № 1. – С. 4–7.
2. Барнс Л. Б. Преподавание и метод конкретных ситуаций: учебник, ситуации и дополнительная литература / Л. Б. Барнс, Р. К. Кристенсен, Э. Дж. Хансен. – М.: Дело, 2018. – 502 с.
3. Городецкая Л. А. Культурно обусловленные ритуалы общения: обязательность соблюдения и возможность нарушения // *Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и международная коммуникация*. 2001. – № 1. – С. 49–58.
4. Красикова Е. Н. Кейс-метод как дидактическое средство в условиях профессиональной подготовки в вузе / Е. Н. Красикова // *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2017. – № 53. – С. 55–60.

5. Лебедева А. Н. Основы межкультурной коммуникации // Учитель. 2016. – № 1. – С. 52–57.
6. Мильруд Р. П. Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2015. – № 4. – С. 9–15.
7. Миролюбов А. А. Культуроведческая направленность в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2001. – № 5. – С. 11–14.
8. Пассов Е. И. Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур. – М.: Лексис, 2019. – 184 с.
9. Сафонова В. В. Культуроведение в системе современного языкового образования // Иностранные языки в школе. 2001. – № 3. – С. 17–24.
10. Сысоев П. В. Язык и культура: в поисках нового направления в преподавании культуры страны изучаемого языка // Иностранные языки в школе. 2001. – № 4. – С. 12–18.
11. Федоринова З. В., Солоненко А. В., Власова Е. А. Влияние технологии case-study на качество коммуникации участников образовательного процесса // Современные проблемы науки и образования, 2015. – № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/122-17980>
12. Цетлин В. С. Реальные ситуации общения на уроке иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. – № 4. – С. 24–26.
13. Gudykunst W. B. Communicating with Strangers. An Approach to Intercultural Communication. – Boston: Mc Graw Hill, 2016. – 468 p.
14. Samovar L. A. Communication Between Cultures. – Belmont: Wadsworth, 2018. – 334 p.

Информация об авторе

Юлия Ивановна Бальцевич, магистр гуманитарных наук, преподаватель иностранных языков высшей квалификационной категории

Минский государственный профессионально-технический колледж монтажных и подъемно-транспортных работ

Адрес: 220070, г. Минск, ул. Буденного, 8

E-mail: yuliya.parker@mail.ru; Тел.: (017) 235-30-06

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7001-9386>

Yu. I. BALTSEVICH¹

¹ *Minsk state technical vocational college of installation and lift-and-carry works*

INTERCULTURAL COMPETENCE BASED ON A SITUATIVE APPROACH IN STUDENTS' PROFESSIONAL SOCIALIZATION

Abstract

Objective: to reveal the features of the teaching process of intercultural competence on a situative approach in foreign language professional communication, focused on the active educational and cognitive students' activity.

Methods: observation, comparison, generalization, system analysis concretization.

Results: on the basis of a comparative analysis of the educational material, intercultural competence is considered as a fundamental basis for accumulating and expanding knowledge about ethno-cultural traditions, thinking stereotypes, behavior models; the processes of students' professional socialization are identified, which are the necessary nutritional environment for the formation of foreign-language intercultural competence.

Scientific novelty: the article presents the subjects integration of the intercultural surroundings in order to create conditions for speech development in the students' professional socialization.

Practical significance: the article offers practical recommendations on the organization of educational activities for the purpose of teaching intercultural competence based on a situative approach in the students' professional socialization.

Keywords: intercultural competence; search and cognitive activity; foreign communicants; intercultural communication; interactive technologies; dialogue of cultures.

References

1. Babinskaya P. K. Communicative and cognitive approach to mastering a foreign language as a means of intercultural communication. Foreign language in Belarus. 2015.– No. 1.– P. 4–7. (in Russian).
2. Barnes L. B. Teaching and the method of concrete situations: textbook, situations and additional literature / L. B. Barnes, R. K. Christensen, E. J. Hansen.– M.: Delo, 2018.– 502 p. (in Russian).
3. Gorodetskaya L. A. Culturally conditioned rituals of communication: the obligation to comply and the possibility of violation. Bulletin of the Moscow University. Ser. 19. Linguistics and international Communication. 2001.– No. 1.– P. 49–58. (in Russian).
4. Krasikova E. N. Case-method as a didactic tool in the conditions of professional training at the university / E. N. Krasikova. Bulletin of Stavropol State University. 2017.– No. 53.– P. 55–60. (in Russian).
5. Lebedeva A. N. Fundamentals of intercultural communication. Teacher. 2016.– No. 1.– P. 52–57. (in Russian).
6. Milrud R. P. Modern conceptual principles of communicative foreign language teaching. Foreign languages at school. 2015.– No. 4.– P. 9–15. (in Russian).
7. Mirolyubov A. A. Cultural orientation in teaching foreign languages. Foreign languages at school. 2001.– No. 5.– P. 11–14. (in Russian).
8. Passov E. I. Communicative foreign language education: preparing for the dialogue of cultures.– M.: Lexis, 2019.– 184 p. (in Russian).
9. Safonova V. V. Cultural studies in the system of modern language education. Foreign languages at school. 2001.– No. 3.– P. 17–24. (in Russian).
10. Sysoev P. V. Language and culture: in search of a new direction in teaching the culture of the country of the studied language. Foreign languages at school. 2001.– No. 4.– P. 12–18. (in Russian).
11. Fedorinova Z. V., Solonenko A. V., Vlasova E. A. The influence of case-study technology on the quality of communication of participants in the educational process. Modern problems of science and education, 2015.– No. 2. [Electronic resource]. URL: <http://www.science-education.ru/122-17980/> (in Russian).
12. Tsetlin V. S. Real situations of communication in a foreign language lesson. Foreign languages at school. 2000.– No. 4.– P. 24–26. (in Russian).
13. Gudykunst W. B. Communicating with Strangers. An Approach to Intercultural Communication.– Boston: McGraw Hill, 2016.– 468 p.
14. Samovar L. A. Communication Between Cultures.– Belmont: Wadsworth, 2018.– 334p.

Information about the author

Yuliya Ivanovna Baltsevich, master of Humanities, teacher of foreign languages of the highest qualification category Minsk state technical vocational college of installation and lift-and-carry works

Address: 220070, 8 Budionnogo Str., Minsk, Belarus

E-mail: yuliya.parker@mail.ru; Tel.: +375(17) 235-30-06

ORCID: 0000-0002-7001-9386

Psychology

Психология

УДК 159923: 159. 942. 5

DOI: 10.29013/AJH-21-7.8-29-33

БОНДАРЧУК В. В.,¹ИВАНОВА С. Б.,¹КРАВЧЕНКО Н. М.,¹КЛЮШАНОВА Т. Д.¹¹ Донецкий институт проблем искусственного интеллекта, Донецк, Украина

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПСИХОФИЗИОДИАГНОСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИСТЕМАХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос усовершенствования психофизиодиагностических исследований в системе искусственного интеллекта; диагностика когнитивных функций мозга; безмедикаментозная терапия.

Цель: создание программного приложения с интуитивно понятным пользовательским интерфейсом, предоставляющего возможность автоматизации психофизиодиагностических исследований, внедрения интерактивной интегрированной интеллектуальной системы автоматизированного доступа к универсальным инструментальным средствам, возможностью хранения, обработки и формирования результатов исследований данных.

Методы: системный анализ, определение и декомпозиция общей цели, основной функции, выделение системы из среды; функциональная, компонентная и структурная декомпозиция; определение информативных параметров, обоснование и минимизация независимых контролируемых переменных для разработки выполнены методами экспертных оценок, методами формализованного представления систем.

Результаты: внедрение и эксплуатация системы в организации, подведомственной Министерству здравоохранения ДНР (экспертиза профпригодности сотрудников); групповая компьютерная диагностика и безнаркотическая терапия психоэмоциональных состояний трудового коллектива в эксперименте (ГУ ИПИИ).

Новизна: оригинальные инструментальные методы и средства, авторские методики реабилитации.

Практическая значимость: материалы исследования могут быть использованы в психодиагностике, при безмедикаментозной реабилитации.

Ключевые слова: компьютерная диагностика психофизиологических состояний человека, паттерны, когнитивные функции мозга.

.....
Для цитирования: Бондарчук В. В., Иванова С. Б., Кравченко Н. М., Ключанова Т. Д. Усовершенствование психофизиодиагностических исследований в системах Искусственного Интеллекта // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – С. 29–33. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-29-33>
.....

Введение. Синергия междисциплинарных исследований в области искусственного интеллекта охватывает фундаментальные и прикладные научные исследования, стратегические приложения, фокусируется на разработке искусственного мозга с возможностями мозговых вычислений. Инструментальные средства обработки когнитивной информации, современных технологий вычислений мозга основаны на механизме обработки когнитивной информации человеческого мозга. Применение этих технологий очевидно для создания интеллектуальных, эмоциональных и автономных артефактов, социальных человеческих роботов, беспилотных автомобилей, цифровых паспортов всех сфер социально-экономического развития. Глобальный вызов искусственного интеллекта для цифрового устойчивого развития в интеллектуальных системах, интеллектуальных сервисных агентах и крупномасштабных интеллектуальных инфраструктурах, включая интеллектуальное сельское хозяйство, ферму, интеллектуальное производство, интеллектуальный город и интеллектуальную планету, которые в конечном итоге обеспечат людям удобство, благополучие, безопасность и свободу.

Фундаментальные технологии искусственного интеллекта в области психофизиодиагностики, которые в настоящее время ведутся во всем мире, направлены на исследования интерфейса мозга и искусственного интеллекта, создание интеллектуальных чипов для повсеместного интеллекта, квантовое машинное обучение, которые принесут еще один качественный скачок в существующие области искусственного интеллекта, психофизиодиагностику человеческого мозга и конвергентные технологии. С конвергенцией нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивных наук, обещающих фундаментальным образом изменить нашу конкурентную, операционную и трудовую среду, мы находимся на грани новой технологической и научно обоснованной деловой революции. Уже появляющуюся реальность конвергенции можно найти в приложениях для геномики, робототехники, биоинформации и искусственного интеллекта.

Результаты. Авторский коллектив уделяет большое внимание развитию современных технологий искусственного интеллекта для решения множества сложных научных и инженерных задач [1–6]. Одной из них является разработка системы комплексной компьютерной диагностики психофизиологических состояний человека, формализованной для реализации на ЭВМ методами и средствами диагностики человека [7–10]. Фундаментальной базой для разработки системы безмедикаментозной интеллектуальной и духовной реабилитации, саморегуляции психоэмоциональных состояний человека являются интеллектуальная структура мозга, когнитивные функции, а также конвергентная парадигма искусственного интеллекта, основанная на вычислениях мозга.

Структура системы реализует основные функции: работа с базой данных, учет данных психологического тестирования; анализ и обработку результатов тестирования с учетом нормативно-оценочных шкал, формирование базы данных, авторские методики реабилитации; модули тренинговых разработок; протокол выдачи результатов тренинга [11].

Резюме. Безмедикаментозная диагностика, визуальное распознавание образов, речи, когнитивный тренинг позволяют усовершенствовать внимание, память, зрительно-перцептивные и визуально-пространственные функции. Исполнительные функции являются наиболее сложными когнитивными функциями (контроль познания, контроль мышления и поведения посредством различных связанных процессов). Они включают в себя набор сложных навыков, таких как концентрация внимания, планирование, программирование, регулирование и преднамеренная проверка поведения. Перспективны исследования паттернов активности в мозге, которые могут выявить когнитивные способности человека – нормальные и ненормальные. Новые методы стимуляции определенных контуров мозга могут оказывать положительное воздействие и контролировать поведение человека ему во благо.

Список литературы

1. Practical results of creating a multiservice intelligent system automated access to scientific and technical information / Bondarchuk V.V., Ivanova S.B., Kravchenko N.M. // Austrian Journal of Technical and Natural Sciences. – 7–8. 2019. DOI: 10.29013/AJT-19-7_8.
2. Бондарчук В. В., Игнатова Л. Б. Программный продукт «Автоматизированная система контроля качества знаний с элементами обучения». – Св. № 21770. Государственный департамент интеллектуальной собственности. – Киев. – 2007.

3. Технологии реализации цифровых интегрированных платформ / Бондарчук В. В., Кравченко Н. М., Ключанова Т. Д. // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее: сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. – В 2 ч. – Ч. 1. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2019. – С. 69–71.
4. Практика внедрения многофункциональной системы повышенной безопасности: достижения и перспективы: // В. В. Бондарчук, С. Б. Иванова, Н. М. Кравченко, Т. Д. Ключанова // Инновационное развитие науки и образования: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2019. – С. 49–51.
5. Бондарчук В. В. Принципы построения и реализации экспертных интеллектуальных систем процесса взаимодействия гипербарического состояния и контролируемых параметров объектов. Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Ежемесячный научный журнал № 81 / декабрь 12 / 2020. – С. 16–21. DOI: 103168/ESU.2413–9335.2020.5.81.1165.
6. Bondarchuk V. Theoretical aspects of rheocardiography visualization in expert barotherapy systems. Eurasian Union Scientists, – 8/89. – Т. 1. / Сентябрь, 2021. – С. 3–5. URL: <https://doi.org/10.31618/ESU.2413–9335.2021.1.89.1427>.
7. Ключанова Т. Д., Кравченко Н. М., Бондарчук В. В. Интеллектуальные базы знаний по обработке, анализу и распознаванию компонент функционала психофизиодиагностики. Искусственный интеллект: теоретические аспекты, практическое применение: материалы международного научного круглого стола. – Донецк: ГУ ИПИИ. 2020. – 252 с. – С. 80–82.
8. Кравченко Н. М. Технологии реализации интеллектуальной системы психофизиодиагностики. [Текст] / Н. М. Кравченко, С. Б. Иванова, В. В. Бондарчук // Европейские научные исследования: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2020. – 260 с. – С. 47–53.
9. Bondarchuk V. V., Kravchenko N. M., Ivanova S. B. Intelligent control system psycho-physio diagnostics with elements of correction [Электронный ресурс] / V. V. Bondarchuk // Scientific achievements of modern society. Abstracts of the 7th International scientific and practical conference. Cognum Publishing House. – Liverpool, United Kingdom. 2020. – P. 40–41. – Режим доступа: URL: <http://sci-conf.com.ua>
10. Bondarchuk V. V. Multipurpose support system expert psycho physiologiodiagnostic solutions [Электронный ресурс] / V. V. Bondarchuk, N. M. Kravchenko // Topical issues of the development of modern science. Abstracts of the 7th International scientific and practical conference. Publishing House “ACCENT”. – Sofia, Bulgaria. 2020. – P. 14–16. – Режим доступа: URL: <http://sci-conf.com.ua>; URL: <http://sci-conf.com.ua>
11. Иванова С. Б., Сальников И. С., Сальников Р. И. Особенности и результаты групповой компьютерной диагностики и безнаркотической терапии психоэмоциональных состояний трудового коллектива в эксперименте. [Текст] // Международный рецензируемый научно-теоретический журнал «Проблемы искусственного интеллекта». 2021. – № 1(20).

Информация об авторах

Бондарчук Виктория Валерьевна, канд. техн. наук, зав. отделом распознавания зрительных образов, Донецкий институт проблем искусственного интеллекта, г. Донецк, Украина
E-mail: vv_bondar@mail.ru; Тел: (071) 346 70 21
ORCID: 345610

Иванова Светлана Борисовна, Директор, Донецкий институт проблем искусственного интеллекта, г. Донецк, Украина
E-mail: iai_sb_ivanova@mail.ru

Кравченко Наталия Михайловна, канд. техн. наук, с.н.с., с.н.с., отдел распознавания зрительных образов, Донецкий институт проблем искусственного интеллекта, г. Донецк, Украина
E-mail: natali_kravchenko70@mail.ru

Ключанова Татьяна Дмитриевна, ведущий инженер отдела РЗО, Донецкий институт проблем искусственного интеллекта, г. Донецк, Украина
E-mail: kklushanova@mail.ru

V. V. BONDARCHUK,¹

S. B. IVANOVA,¹

N. M. KRAVCHENKO,¹

T. D. KLYUSHANOVA¹

¹ *Institute of Artificial Intelligence, Donetsk, Ukraine*

IMPROVEMENT OF PSYCHOPHYSIODIAGNOSTIC RESEARCH IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Abstract

This article discusses the issue of improving psychophysiological research in the artificial intelligence system; diagnostics of cognitive functions of the brain; drug-free therapy.

Purpose: creation of a software application with an intuitive user interface that provides the ability to automate psychophysiological research, the implementation of an interactive integrated intelligent system for automated access to universal tools, the ability to store, process and form the results of data research.

Methods: system analysis, definition and decomposition of a common goal, main function, separation of the system from the environment; functional, component and structural decomposition; determination of informative parameters, justification and minimization of independent controlled variables for development were carried out by methods of expert assessments, methods of formalized representation of systems.

Results: implementation and operation of the system in an organization subordinate to the Ministry of Health of the DPR (examination of the professional suitability of employees); group computer diagnostics and drug-free therapy of psychoemotional states of the labor collective in the experiment (Institute for Artificial Intelligence).

Novelty: original instrumental methods and means, author's methods of rehabilitation.

Practical significance: research materials can be used in psychodiagnostics, with drug-free rehabilitation.

Keywords: computer diagnostics of human psychophysiological states, patterns, cognitive functions of the brain.

References

1. Practical results of creating a multiservice intelligent system automated access to scientific and technical information / Bondarchuk V. V., Ivanova S. B., Kravchenko N. M. // Austrian Journal of Technical and Natural Sciences. – 7–8. 2019. DOI: 10.29013/AJT-19-7_8.
2. Bondarchuk V. V., Ignatova L. B. Software product “Automated knowledge quality control system with elements of training”. – Certificate № 21770. State Department of Intellectual Property. – Kiev. 2007.
3. Technologies for the implementation of digital integrated platforms / Bondarchuk V. V., Kravchenko N. M., Klyushanova T. D. // Science and education: preserving the past, creating the future: collection of articles of the XIX International Scientific and Practical Conference. At 2 pm Part 1. – Penza: ICNS “Science and Education”. 2019. – P. 69–71.
4. The practice of introducing a multifunctional enhanced security system: achievements and prospects: // Bondarchuk V. V., Ivanova S. B., Kravchenko N. M., Klyushanova T. D. // Innovative development of science and education: collection of articles of the VI International scientific and practical conference. – Penza: ICNS “Science and Education”. 2019. – P. 49–51.

5. Bondarchuk V. V. Principles of construction and implementation of expert intelligent systems of the process of interaction between the hyperbaric state and the controlled parameters of objects. Eurasian Union of Scientists (ESU). Monthly scientific journal – No. 81 / December, 12. 2020. – P. 16–21. DOI: 103168 / ESU.2413–9335.2020.5.81.1165.
6. Bondarchuk V. “Theoretical aspects of rheocardiography visualization in expert barotherapy systems”. Eurasian Union Scientists, – 8/89. – T. 1. – September, 2021. – P. 3–5. URL: <https://doi.org/10.31618/ESU.2413–9335.2021.1.89.1427>
7. Klyushanova T. D., Kravchenko N. M., Bondarchuk V. V. Intellectual knowledge bases for processing, analyzing and recognizing the components of the psychophysiodiagnostics functional. Artificial intelligence: theoretical aspects, practical application: materials of the international scientific round table. – Donetsk: Institute for Artificial Intelligence. 2020. – 252 p. – P. 80–82.
8. Kravchenko N. M. Technologies for the implementation of the intellectual system of psychophysiodiagnostics. [Text] / N. M. Kravchenko, S. B. Ivanova, V. V. Bondarchuk // European scientific research: collection of articles of the International scientific and practical conference. – Penza: ICNS “Science and Education”, 2020. – 260 p. – P. 47–53.
9. Bondarchuk V. V., Kravchenko N. M., Ivanova S. B. Intelligent control system psycho-physiodiagnostics with elements of correction. [Electronic resource] // Scientific achievements of modern society. Abstracts of the 7th International scientific and practical conference. Cognum Publishing House. Liverpool, United Kingdom. 2020. – P. 40–41. – Access mode: URL: <http://sci-conf.com.ua>
10. Bondarchuk V. V. Multipurpose support system expert psycho physioldiagnostic solutions. [Electronic resource]. / Bondarchuk V. V., Kravchenko N. M. // Topical issues of the development of modern science. Abstracts of the 7th International scientific and practical conference. Publishing House “ACCENT”. – Sofia, Bulgaria. 2020. – P. 14–16. – Access mode: URL: <http://sci-conf.com.ua>
11. Ivanova S. B., Salnikov I. S., Salnikov R. I. Features and results of group computer diagnostics and drug-free therapy of psychoemotional states of the labor collective in the experiment. [Text] // International peer-reviewed scientific and theoretical journal “Problems of Artificial Intelligence”. 2021. – No. 1(20).

Information about the author

Bondarchuk Victoria Valerievna, Head of the Department of visual image recognition, candidate of Technical Sciences, Institute of Artificial Intelligence, Donetsk, Ukraine

E-mail: vv_bondar@mail.ru; Tel: (071) 346 70 21

ORCID: 345610

Ivanova Svetlana Borisovna, Director, Institute of Artificial Intelligence, Donetsk, Ukraine

E-mail: iai_sb_ivanova@mail.ru

Kravchenko Natalia Mikhailovna, candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, Senior Researcher, Visual Image Recognition Department, Institute of Artificial Intelligence, Donetsk, Ukraine

E-mail: natali_kravchenko70@mail.ru

Klyushanova Tatiana Dmitrievna, Lead Engineer, Visual Recognition Department, Institute of Artificial Intelligence, Donetsk, Ukraine

E-mail: kklushanova@mail.ru

H. SLOBODIANIUK¹¹ South-Ukrainian National Pedagogical University named after K. D. Ushynsky, Odesa, Ukraine

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF PSYCHOLOGICAL COMPETENCE OF FUTURE MATHEMATICS TEACHERS IN ISRAEL AND UKRAINE

Abstract. The paper deals with the investigation of psychological competence of future Math's teachers in Israel and Ukraine.

The aim of the paper is to compare the indicators of psychological competence and statistically prove or refute the hypothesis of the research – the correlation between the level of mastering of psychological competence of Math's teachers and students' level of proficiency.

Methods of research. Theoretical analysis of psychological and pedagogical sources on the issue, mathematical analysis with SPSS statistics have been used as methods of research in the paper.

The results of the research are the following: the psychological constituent of teacher training in Ukraine and Israel are analyzed; indicators of psychological competence are identified.

Scientific novelty: for the first time the statistical analysis of the level of mastering psychological competence in two countries were made.

The practical significance can be found in the opportunity to use the results obtained to create an integrated model of psychological training of future Math's teachers.

Keywords: psychological training; psychological competence; indicators; future Mathematics teachers.

For citation: H. Slobodianiuk. Comparative characteristics of psychological competence of Future Mathematics Teachers in Israel and Ukraine // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – P. 34–37. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-34-37>

Introduction

Teacher profession implies mastering not only skills that are a subject matter of narrow specialization but also certain psychological knowledge to be ready to communicate effectively with both students and their parents, to evaluate and predict students' behavior, to use specific strategies while teaching based on the psychological peculiarities of students', etc. According to the results from the Program for International Student Assessment (PISA), Ukrainian students of lower-secondary schools had quite low level of knowledge in mathematics in 2018, with only 37,9% of students attaining minimum levels of proficiency [1], whereas the students of Israel attained 66% [2, P. 2]. The reason can be found in the insufficient mastering of psychological competence of Maths teachers, which is the hypothesis of the research.

The aim of the paper is to investigate the essence of the phenomenon of psychological competence of future Maths teachers in Israel and Ukraine, compare the in-

dicators of psychological competence and statistically prove or refute the hypothesis of the research.

Materials and methods

To solve the tasks of the given paper the following methods have been used: theoretical analysis of psychological and pedagogical sources on the issue, mathematical analysis with SPSS statistics.

Results and discussion

Israeli and Ukrainian ways of getting pedagogical education vary a lot. To enter teacher education program in Israel, one can choose between two different routes:

1) Initial training through colleges of education or university departments/schools of education. Teacher training at colleges of education follows the concurrent model which combines disciplinary and pedagogical contents. Students can take regular academic studies there, which is a four-year program and includes a one-year induction program. Also there are non-academic studies for ultra-orthodox students to become certified teachers. Teacher

training at the universities takes place in schools of education of six universities and follows the consecutive model, i.e., the teacher education program follows upon a graduate program and all applicants must have either completed their undergraduate degree or be in its final stages [3, P. 51].

2) Alternative way, mainly for teachers without any training in education, who enter schools as unqualified teachers and only then go through alternative processes of official certification via in-service and testing mechanisms.

The prerequisites for obtaining an education license include a teaching certificate, an academic degree, and since 2013 the successful completion of the induction year [4]. Since 2006, the basic pedagogical component of teacher education programs has been extended to 24 to 30 hours annually and comprises educational studies, research methodology, and pedagogical studies, including a supervised practicum. Overall, the pedagogical component complements 60 hours per year of disciplinary studies [5].

Having quite different ways of entering teacher education programs, both Israel and Ukraine suffer from the lack of attractiveness of teaching profession. Among the factors that can turn an occupation into an attractive one, are occupational prestige, salary and its structure, opportunities for professional advancement and growth, and working conditions. From all these aspects the teaching profession in Israel and Ukraine is not attractive and its appeal has been in decline over the years. Trying to improve the situation, a number of steps has been taken including the implementation of different laws in Israel and Ukraine. For example, in 2009 an educational reform, New Horizon (Ofek Hadash), was initiated at the national level for primary and lower secondary schools, and one of the main goals set forth was strengthening the status of teachers and raising their salaries [6]. According to this reform, all primary and lower secondary school teachers are required to undergo 60 hours of in-service training per year, at least half of it in their professional domain. In mathematics and science, intensive training is provided for teachers by qualified instructors (experienced teachers who have completed extensive professional development led by mathematics specialists). In-service training in mathematics and science was increased to help teachers with the new curricula. However, all these improvements refer to disciplinary content only and have little or no connection to psychological training of teachers or future teachers.

The concept of psychological competence is the subject matter of study by a number of national and foreign

scientists and researchers. O. I. Bondarchuk, for example, determines the psychological competence of the individual through success, constructiveness of their activities on the basis of effective application of psychological knowledge and skills to solve tasks or problems facing them in the system “man – man” [7, P. 13]. According to T. N. Shcherbakova, psychological competence is an integral acmeological characteristic of a teacher, which allows to constructively solve problems of professional activity, communication and self-development [8].

The last decade in Ukraine was also marked by changes in the system of higher education and the training of future teachers in particular. In 2014 the law “On the higher education” stated the autonomy for the universities and the academic freedom of the participants of the educational process [9]. Most recently, in 2020 the Professional standard “The teacher of secondary school” was implemented. According to it, psychological competence, which implies the ability of a teacher to identify and take into account in the educational process individual and age peculiarities of the students; the ability to form students’ motivation and organize their cognitive activity and the ability to form students’ community where everyone feels belonging [10] is among the main competencies a teacher should acquire.

To evaluate the level of psychological competence a questionnaire was developed and three indicators of psychological competence of the future teachers of mathematics have been distinguished, namely: procedural-situational, which includes among others the ability to self-regulate emotional states when interacting with students, colleagues and parents; indicator of planning and implementation of holistic interaction, which is characterized in particular by the ability to assess the psychological age and gender characteristics of students, including when working with children in an inclusive group; indicator of psychological and didactic competence (ability to use psychological techniques, technologies and practices to enhance the cognitive activity of students; ability to form theoretical and creative thinking of students in mathematics lessons, etc.).

The overall number of the students who took part in the study comprised 286 students who study to become Math’s teachers – 156 students from Ushynsky University and 130 students from Ariel University. To have such a representative sample the study was conducted in two stages: in 2018 on the first stage of the study 77 students (40 second-year and 37 fourth-year students) of Ushynsky University and 60 students (32 third-year and 28 fourth-year students) of Ariel University were involved in the

study. The second stage taken place in 2019 comprised 79 students of Ukrainian university (41 second-year and 38 fourth-year students) and 70 students of Israeli Univer-

sity (36 third-year and 34 fourth-year students). The generalized full descriptive statistics of categorical variables is presented in (Table 1).

Table 1. – Descriptive statistics for categorical variables

Variables	Categories	Abs.	%
Gender	Men	94	33.0
	Women	192	67.0
University	Ushynsky	156	55.0
	Ariel	130	45.0
Year of study	Second/third	149	52.0
	Fourth	137	48.0

It is important to make it clear here that the categories “second” (for Ukrainian students) and “third” (for Israeli students) of the variable “year of study” are comparable as at Ariel University the students who wish to acquire a teaching certificate from the Department of Education study disciplines of psychological cycle on the second year of studying at the Department of Education which is the third year of their main studies.

Quantitative variables following a normal distribution were described using mean (M) and standard deviation (SD), 95% confidence interval (95% CI) for the mean were estimated. Quantitative variables following non normal distribution were described using median (Me) and lower and upper quartiles ($Q_1 - Q_3$).

Categorical data were described with absolute and relative frequencies. Comparison of the two groups for a quantitative variable following a normal distribution was performed using Student’s t-test if the variances were equal and Welch’s t-test in the case of unequal variances.

Mann-Whitney U-test was used to compare two groups on a quantitative variable whose distribution differed from the normal distribution.

The direction and strength of the association between two quantitative variables were estimated using Pearson’s correlation coefficient (in case of the normal distribution of variables), the direction and strength of the association between two quantitative indicators were estimated using Spearman’s correlation coefficient.

Table 2. – Analysis of Indicator of planning and implementation of holistic interaction conditioning on the variable “country”

Constituent of Indicator	Categories	Me	$Q_1 - Q_3$	n	p
The ability to assess psychological relationships in the professional surrounding and take it into account in the future professional activity	Ukraine	5	5–6	156	0.044*
	Israel	6	5–7	130	
The ability to get in touch with managers to solve various problems in future professional activity	Ukraine	6	4–7	156	0.173
	Israel	6	5–7	130	
The ability to give a general psychological characteristic of the team, including the one in their future professional activity.	Ukraine	6	6–7	156	0.465
	Israel	7	6–7	130	
The ability to assess the psychological age and gender characteristics of people, including those with disabilities.	Ukraine	M ± SD 6 ± 1	95% CI 5–6	n 156	0.013**
	Israel	7 ± 1	6–8	130	

* – differences are statistically significant ($p < 0.05$). Applied method: Mann-Whitney U-test **Applied method: Student’s t-test

When comparing the first indicator of psychological competence – Procedural-situational one – depending on gender, there were revealed statistically significant differences ($p = 0.020$) in one of its constituents – the ability to level out the conflicts between pupils. It implies that women are more inclined to be peacemakers in the classroom. Comparison of two

other indicators depending on gender revealed no statistically significant differences ($p = 0.526$ and $p = 0.898$ accordingly).

Having performed analysis of procedural-situational indicator conditioning on the variable “country”, no statistically significant differences were revealed ($p = 0.217$). But when comparing Indicator of planning and

implementation of holistic interaction statistically significant differences were revealed in two of its constituents (see Table 2). The results obtained show that students of Ariel University are more likely to be ready to work with the pupils of inclusive group. Analysis of Indicator of psychological and didactic competence conditioning on country revealed no significant differences ($p = 0.724$).

The comparison of the indicators of psychological competence depending on the year of study revealed statistically significant differences in all three indicators ($p = 0.028$, $p = 0.020$ and $p = 0.044$ correspondingly). The statistical data

imply that the students of senior courses have higher level of psychological competence which can be explained by the fact that they acquired it during their in-field practice (Ushynsky University) or induction year (Ariel University).

Conclusions

To summarize, psychological competence is regarded as a key competence necessary to be ready to perform successfully as Math's teacher. Statistical analysis proved the correlation between the level of mastering psychological competence by Math's teachers and students' level of proficiency.

References

1. Mazorchuk M. Natsionalnyi zvit za rezultatsy mizhnarodnoho doslidzhennia yakosti osvity PISA-2018. (National report on the results of the international survey on the quality of education PISA-2018). – Kyiv, 2019. – 439 p. (in Ukrainian).
2. Israel - Country Note – PISA 2018. Results. – Vol. I–III. OECD, 2019. – 11 p. (In English).
3. Zuzovsky R. & Donitsa-Schmidt S. Attracting, developing and retaining effective teachers in Israel. OECD country background report. – Tel-Aviv, 2004. – 116 p. (In English).
4. Ministry of Education, 2001a. Circular – 62/4(2). Retrieved from: URL: <https://data.gov.il/dataset/accidents2018/resource/48c5a3e2-bab3-4f0d-b3de-ad3415d50325>
5. Ariav Committee Report. Guidelines for teacher education in higher education institutions in Israel. Jerusalem: Council for Higher Education, 2006. – 435 p. (in Hebrew).
6. New Horizon: Once in a lifetime opportunity for education. 2009. (in Hebrew). Retrieved from: URL: <http://www.ofek-hadash.org.il>
7. Bondarchuk O. I. Naukovo-metodychni zasady formuvannia psykholohichnoi kompetentnosti kerivnykiv osvity orhanizatsii u systemi pisladyplomnoi pedahohichnoi osvity. (Scientific and methodological principles of formation of psychological competence of the heads of educational organizations in the system of postgraduate pedagogical education). – Kyiv: Pedahohichna dumka, 2012. – 144 p. (in Ukrainian).
8. Shcherbakova T. N. Psihologicheskaya kompetentnost' uchitelya: akmeologicheskij analiz (Psychological competence of a teacher: acmeological analysis). Rostov-on-Don, 2006. – 36 p. (in Russian).
9. Zakon Ukrainy. "Pro vyshchu osvitu" (The Law of Ukraine "On the higher education"). (n.d.). zakon.rada.gov.ua Retrieved from: URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1556-18/> (in Ukrainian).
10. Nakaz № 2736–20 MRETSU Ukrainy vid 23.12.2020. "Pro zatverdzhennia profesiinoho standartu za profesiiamy" "Vchytel pochatkovykh klasiv zakladu zahalnoi serednoi osvity", "Vchytel zakladu zahalnoi serednoi osvity", "Vchytel z pochatkovoї osvity (z dyplomom molodshoho spetsialista)" (Order № 2736–20 of MRETSU of Ukraine of 23.12.2020 "On approval of the professional standard for the professions" "Primary school teacher of general secondary education", "Teacher of general secondary education", "Primary education teacher (with a diploma of junior specialist)") (n.d.) zakon.rada.gov.ua. Retrieved from: URL: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/v2736915-20#Text> (in Ukrainian).

Information about the author

Slobodianiuk Hanna Anatoliivna, PhD student of Psychology Department, Lecturer at the Germanic Philology and Methods of Teaching Foreign Languages Department, South-Ukrainian National Pedagogical University named after K. D. Ushynsky, Odesa, Ukraine

Address: 65020. Staroportofrankivska St., 26, Odesa, Ukraine

E-mail: slobodianiuk.ha@pdpu.edu.ua; Tel: +38–048753 08 53

ORCID: 0000-0002-9265-2422

Philology

Филология

УДК 811.1119

DOI: 10.29013/AJH-21-7.8-38-49

ГОРШУНОВ Ю. В.¹¹ Башкирский государственный университет (Бирский филиал), Россия

ДИКИЕ И ОДОМАШНЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ В СОКРАЩЕНИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация:

Цель представить лингвистическое и социокультурное описание сокращений английского языка, отражающих фауну планеты – животный мир дикой природы и одомашненных животных, выявить их структурные типы и прагматические свойства.

Методы: методы исследования определяются целью и задачами исследования. Основной метод описательный, реализованный в приемах систематизации, обобщения и интерпретации языкового материала. Лингвистические методы включают контекстный анализ и метод семантической интерпретации.

Результаты. Выявлено, что среди одомашненных животных больше всего сокращенных названий получили различные породы собак, что отражает огромную роль собаки в жизни человека и разнообразие выполняемых ею функций. Дикое животное, названия которых сокращены, представляют собой по преимуществу предмет охоты или промысла или представляют интерес для науки. В структурном плане наиболее многочисленны сокращения, созданные усечением конечной части слова. Несколько сокращений представлены усечениями начальной части слова и всего одно – результат эллипсиса. В большинстве случаев мы имеем дело с суффиксированными образованиями, которые созданы взаимодействием процессов усечения и суффиксации и оформлены уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ie* или *-y*.

Как и корреляты, сокращения названий животных развивают метафорические и метонимические значения. Зооморфная метафора на их основе используется говорящим чаще всего для образной оценки человека, его внешности, поведения, характера, интеллекта и др., давая, как правило, негативную характеристику представителям разных этнических групп.

Отмечено действие омоакронимии, нередко сопряженной с языковой игрой, порождающей сокращения, омонимичные названиям животных, вызывающих определенные ассоциации и создающие ассоциативный образ.

Практическая значимость. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы при освещении проблем аббревиации в лекциях и семинарах по лексикологии, теории языка, стилистике, интерпретации текста.

Ключевые слова: сокращения, усечения, сложносокращенные слова, (буквенные) аббревиатуры, акронимы, суффиксированные сокращения, омоакронимия, креолизованные сокращения, языковая игра, дикие животные, одомашненные животные.

Для цитирования: Горшунов Ю. В. Дикое И Одомашненные животные в сокращениях английского языка // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – С. 38–49. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-38-49>

Введение

Сокращения вызывают неизменный интерес современных исследователей, констатирующих экспансию аббревиации и аббревиатур в конце XX века и первых десятилетиях нового тысячелетия, фиксацию с помощью сокращений новых фрагментов и участков деятельностного опыта человека на лингвистической карте [7; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 23; 25]. Запрос в Интернете по современным популярным сокращениям английского языка выдает мало информации о бытовых сокращениях, обозначающих привычные нам предметы быта и повседневного обихода, бытовые заведения и социальные институты, животные и растения, с которыми человек вступает в непосредственный контакт, и которые так важны для его существования. В контексте повседневного житейского общения обнаруживается актуальная сторона бытовых сокращений, к которым, в частности, относятся сокращения, отражающие животный и растительный мир, окружающий человека.

Основная часть

В статье представлен лингвистический и социокультурный анализ сокращенных названий некоторых представителей широко понимаемого мира животных, который включает не только собственно животных, но и рыб, птиц, земноводных, насекомых и другие виды живых существ. Акцент сделан на сокращенные названия диких и одомашненных животных. Статья, таким образом, имеет целью дать, по возможности, адекватное лингвистическое и социокультурное описание сокращений английского языка, отражающих фауну планеты – животный мир дикой природы и одомашненных животных, выявить их структурные типы и прагматические свойства.

Избранная тема освещается примерах сокращений, отобранных из ряда словарей [1; 3; 28; 31] и англоязычной художественной литературы [24; 26; 27], [29; 30; 32; 33; 34].

Освещая заявленную тему, мы следуем классификации лексических сокращений, охватывающую такие основные разряды, как усечения, сложносокращенные слова, аббревиатуры буквенные и акронимы, которые, в отличие от буквенных аббревиатур произносятся и читаются как обыкновенные слова [9], обращая внимание на сокращения, совмещающие характеристики графических и лексических и сокращения, созданные взаимодействием различных способов аббревиации, а также взаимодействием аббревиации с другими спо-

собами словообразования (например, усеченно-производные или суффиксированные сокращения) [5; 8]. Выделяются также смешанные типы сокращений – сочетания букв и слогов в различных комбинациях. В последнее время стали особенно популярными так называемые креолизованные сокращения, под которыми понимаются гибридные графические комплексы, создаваемые за счет употребления затейливой смеси букв, либо цифр с букв, предлогами, частицами, знаками препинания: u1 (you won); YU? (why you?), b4u (before you); f to f (fact to face) и под.

За рамками данной статьи остались слова-слитки. Словослияние квалифицируется нами как самостоятельный способ словообразования [9], который граничит с аббревиацией и словосложением в силу своих структурных особенностей, но обладает характерными чертами, к которым мы относим преднамеренный характер словопроизводства, особую стилистическую окраску полученных в результате словослияния единиц, окказиональный статус большинства из них.

Считаем необходимым также оговорить, что мы пользуемся термином «животное», не вкладывая в него строгого терминологического смысла, подходя к проблеме импрессионически, в контексте наивной картины мира.

Животные стали частью жизни человека с тех пор, как он выделился из дикого мира природы, мира животных. На протяжении всей истории человечества, с того времени как люди приручили и одомашнили диких животных, всегда рядом с человеком присутствуют домашние животные. На ферме и сельском подворье и сегодня фермеру и сельскохозяйственному работнику приходится иметь дело с лошадьми, коровами, быками или волами, овцами, козами, свиньями, курицами, утками, гусями и другими сельскохозяйственными животными. Небольших животных, например, кошек и собак, а также кроликов, морских свинок, хомячков, певчих и декоративных птиц люди содержат в домашних условиях. Они попадают в категорию «домашних питомцев» или категорию «животных-компаньонов» (*animal companions*). Цитата из книги «Собачья истории» английского писателя, ветеринара по профессии, Джеймса Хэрриота служит хорошей иллюстрацией сказанному и содержит впечатляющий перечень домашних питомцев одного из клиентов: He had an assortment of **dogs, cats, rabbits, budgies** and **goldfish** which made me frequent visitor to the dusty mansion <...> [29, С. 64].

Особую роль в жизни людей всегда играли собаки, которые уже в древности использовались как четвероногие пастухи, охотники и охранники, а сегодня, помимо охранной функции, участвуют в поисковых и спасательных работах, стоят на страже закона, преследуют преступников и помогают обнаруживать оружие, наркотики и прочую контрабанду, способствуют реабилитации людей с ограниченными возможностями, выполняют множество других полезных функций. [2]. Не случайно в мире выведены сотни пород собак, и больше всего сокращенных названий животных нам дают именно названия различных пород собак. В нашей картотеке сокращений, отражающих породы собак, насчитывается около двух десятков сокращений.

Австралийская пастушья собака или (голубой) кеттл дог **bluey** ← **blue cattle dog** названа по особому окрасу. Эта порода была изначально предназначена, чтобы перегонять скот на большие расстояния. Помимо пастушьих функций собака служит верным и надежным сторожем и как собака-компаньон.

Несколько пород собак, имеющие сокращенные обозначения, были выведены на Британских островах. Сокращенные названия некоторых пород встречаем в полной юмора книге «Собачья истории» Джеймса Хэрриота: **Border, Peke, Scottie, Westie, Yorkie**.

Border ← **a Border Terrier** бордер-терьер, невысокая порода охотничьих собак с жесткой шерстью и рыжеватым окрасом: 'Some day I'll have **a Border**,' I said to Frank [29, С. 26].

Peke ← **a Pekingese dog** – пекинес или, китайский мопс. Это порода коренастых маленьких собак черной, белой или бурой масти, которых содержат в качестве комнатно-декоративных: Tricky Woo was a **Pekingese** and an apple of his mistress eye. <...> It baffled me that **the Peke** was always so pleased to see me [29, с. 36–37].

Scottie ← **the Scottish Terrier** – скотч-терьер, собака, изначально выведенная для норной охоты на барсука и лисицу, сегодня распространена в качестве домашнего любимца практически по всему миру: I bent once more over the sleeping dog. He was a **Scottie** called Hamish and his mistress, Miss Westerman, had brought him in two days ago [29, С. 424].

Westie ← **the West Highland White terrier**. Любители породы ласково называют собаку этой породы **westie**. Симпатичные собаки белого окраса были выведены для охоты на лис и барсуков в горной Шотландии: **Westies**, in my experience, were a particularly amiable breed [29, С. 527].

Слово **Yorkie** прежде обозначало жителя Йоркшира, а **Yorkshireman**. В середине 20 столетия добавилось новое значение а **Yorkshire terrier** – йоркширский терьер [28, С. 1306]. Эта порода комнатных собак имеет длинную шелковистую шерсть и отличается окрасом синевато-стального или рыжевато-коричневого оттенка: The Staffordshire was closely followed by a **Yorkshire Terrier** which was also enthusiastically greeted by Granville. You-hoo, Victoria, you-hoo! 'The **Yorkie**, an obvious smiler, did not jump up but contended herself with sitting at her master's feet, baring her teeth ingratiatingly ever few seconds [29, С. 171].

Охотничьи собаки, помимо упомянутых выше **Border, Scottie, Westie**, представлены в нашей картотеке разговорными сокращениями для таксы: **dachs** ← **dachshund** = **dachsie/daxie** – разг. такса, охотничья порода приземистых, с длинным гибким телом на коротких ногах, собак, хорошо приспособленных для охоты на зверей в норах.

Декоративные породы, помимо упомянутых выше **Peke, Yorkie**, представлены в нашей картотеке разговорным сокращением для шпица: **Pom** ← **Pomeranian** – разг. шпиц [3, С. 346]. Эта порода собак имеет стоячие треугольные уши и густую пушистую шерсть разнообразного окраса: белого, серебристо-серого или черного и относится к комнатно-декоративным породам.

Ездовая порода собак представлена сокращенным названием лайки: **esky** ← **Eskimo dog**. Дж. Грин указывает на американское происхождение сокращения и датирует его появление началом 20 века как презрительное и оскорбительное обозначение инуита (представителя эскимосов, живущих на Аляске, в Гренландии и Канаде) и (эскимосской) лайки [28, С. 394].

Служебные породы собак, отраженные в сокращениях, представлены лабрадором, ньюфаундлендом и ротвейлером. **Lab** ← **a Labrador dog** – лабрадор (порода служебных крупных собак – разновидность ньюфаундленда): Chester, a black **lab** with a curly tail like a chow was number 16. The **lab** would bark constantly, all day and all night until Lizzie merely *showed* him a bottle of Tabasco sauce – his kryptonite. [34, С. 304].

Newf/Newfie ← **a Newfoundland dog** – порода крупных собак с длинной черной шерстью. Первоначально ньюфаундлендов использовали для вытягивания на берег тяжелых рыбачьих снастей, а затем привлекли для спасения утопающих, что дало основания назвать эту породу собак водолазами.

Что касается **Rottie** [1980 s +] ← **a Rottweiler dog** – ротвейлер, то это немецкая порода крупных служебных собак с короткой черной шерстью со ржаво-красными подпалинами считается ласковой и лояльной по отношению к своей семье.

В австралийском варианте есть разговорное сокращение и для непородистой (обычно дворовой) собаки, т.е. для дворняги: **mong** ← **mongrel** австрал. разг. дворняжка [3, С. 279]: My brothers and country cousins each had a dog, usually a bossy fox-terrier or a smart-alec **mong** with lots of heeler in it [24, С. 270]. В разговорной речи **mong** употребляется также в значении 'a stupid or foolish person' – кретин, идиот, придурок.

Еще одно разговорное сокращение, имеющее отношение к собакам и их использования в спорте – **gollies/the gollies** – пришло из рифмованного сленга: ← rhyming slang **gollywogs** = **dogs**, в смысле **dogs racing**, **greyhound racing**. Речь идет о собачьих бегах, одного из старейших и по сей день популярных видов спорта, когда зрители делают ставки на борзых, догоняющих механического зайца. Соревнования борзых – азартная игра, схожая с конными забегами, основной целью которых является определение самой быстрой собаки в ходе разных по дистанции забегов. Со скачками связано возникшее в 19 веке **gee** ← **gee-gee**, а horse (лошадь на скачках), а также разг. дет. лошадка.

Домашние питомцы представлены хомячком и попуайчиком: **hammy** ← **hamster** хомяк [3, С. 188], **budgie** ← **budgerigar** – разг. баджи, баджеригар, волнистый попуайчик, популярная домашняя птица; обычно содержится в клетке в гостиной у окна. В британском сленге **budgie** употребляется также по отношению к излишне разговорчивому или болтливому человеку.

Помимо сокращенных названий животных аббревиация непреднамеренно порождает сокращения, омонимичные названиям животных, а в случаях омоакронимии, сопряженной нередко с языковой игрой, они могут создаваться сознательно с намерением вызвать определенные ассоциации, создать ассоциативный образ. К примеру, в результате применения различных способов аббревиации – усечения, инициальной аббревиации и акронимии, у слова **cat** появилось около четырех десятков омонимов. Приведем выборочные примеры:

1. **Cat** ← **Catalina** ав. Каталина (модель самолета, летающая лодка)

2. **cat** ← **catalog(ue)** каталог

3. **cat** ← **catamaran** катамаран

4. **cat** ← **catboat** кэт (парусное судно)

5. **cat** ← **caterpillar** гусеничный трактор

6. **cat** ← **wildcat** (illicitly distilled whiskey) самодельный спиртной напиток

7. **CAT** ← **carburetor air temperature** температура воздуха в карбюраторе

8. **CAT** ← **channel-activity table** таблица активности каналов

9. **CAT** ← **Civil Air Transport** гражданский воздушный транспорт

10. **CAT/cat** ← **clear air turbulence** турбулентность атмосферы при ясном небе

11. **CAT** ← **Cognitive Abilities Test** тест на определение познавательных способностей

12. **CAT** ← **college of advanced technology** (исм.) высший технический колледж

13. **CAT** ← **Computer-Aided Training** компьютеризированное обучение

14. **CAT** ← **computerized axial tomography** компьютерная аксиальная томография

15. **CAT** ← **conditional access table** таблица условного доступа

16. **CAT** ← **cooled-anode tube** лампа с охлаждаемым анодом

17. **CAT** ← **corrective action team** группа, вносящая изменения (в конструкцию изделия) и многие другие.

Хотя совпадение большинства сокращений по фонемному составу со словом **cat** случайно, тем не менее, при их функционировании в речи могут возникнуть ассоциативные связи: к примеру, большие гусеничные тракторы (**caterpillars**) в разговорной речи называются **cats**, а малые гусеничные тракторы в шутку называют **kittens**, т.е. «**котята**» [6, С. 269].

Интересно, что в орбиту инициальной аббревиации вовлечен омоакроним **Mouse** ← **Minimum Orbital Unmanned Satellite, Earth** беспилотный спутник Земли, запущенный на минимальную орбиту.

Абсолютное большинство акронимов-омонимов омонимично корневым словам (например, **cat**, **mouse**), хотя встречаются акронимы, омонимичные производным и сложным словам и даже словосочетаниям, например, акроним **TOMCAT** ← **Theater of Operations Missile Continuous Wave Anti-Tank Weapon** (в составе акронима не отражены полнзначные слова **Wave** и **Weapon**) и **tomcat** – кот. **RED HORSE** ← **Rapid Engineer Deployment, Heavy Operational Squadron, Engineering** и **red horse** – рыжая лошадка.

Дикие животные, названия которых сокращены, представляют собой по преимуществу предмет охоты или промысла или представляют интерес для науки. Некоторые виды находятся под угрозой вымирания. Их можно увидеть в зоопарках, зверинцах, цирке. В основном, это животные, обитающие в Африке, Южной Азии и Австралии, тех регионах, которые в прошлом были в составе британской колониальной системы и входили в экономические интересы метрополии. Колониальные чиновники в качестве забавы охотились на местных диких зверей. Растительный и животный мир обширных и мало исследованных колониальных владений Великобритании представлял огромный интерес для развития ее экономики и науки. Сокращенные названия диких животных *chimp* ← *chimpanzee*, разг. шимпанзе [3, С. 96]; *monk* (orig. US) ← *monkey*, разг. обезьяна, мартышка [3, С. 279]; *hippo* ← *hippopotamus*, разг. гиппопотам; *rhino* ← *rhinoceros*, разг. носорог; *giro* ← *giraffe*, охот. жираф [3, С. 181] ассоциируются с Африкой и сафари; *jack* ← *jackal*; разг. шакал [3, С. 227] имеет ареал обитания от Индии до Средней и Малой Азии и даже до юго-восточной Европы. Перечисленные сокращения преимущественно британского происхождения. Рассмотрим сокращения более подробно.

Разговорное сокращение *chimp* от *chimpanzee* отсылает к человекообразной обезьяне, обитающей в саваннах и влажных лесах Экваториальной Африки (Центральная и Западная Африка). Поведение шимпанзе, как наиболее близких к человеку приматов, всегда вызывало особый интерес у зоологов, этологов, палеоантропологов. Американский писатель-фантаст Мэррей Лейнстер обрамляет свой рассказ “Keyhole” («Замочная скважина») анекдотом: There’s a story about a psychologist who was studying the intelligence of a *chimpanzee*. He led the *chimp* into a room full of toys, went out, closed the door and put his eye to the keyhole to see what the *chimp* was doing. He found himself gazing into a glittering interested brown eye only inches from his own. The *chimp* was looking through the keyhole to see what the psychologist was doing [22, С. 97; С. 112]. В своей книге «Поместье-зверинец» Джеральд Даррелл живо и с юмором рассказывает об удивительных животных и о том, как создавался его уникальный частный зоопарк на острове Джерси. Он описывает забавную ситуацию перед выходом в эфир телепрограммы о животных на британском телевидении, одной из героинь которой была шимпанзе по

кличке Лулу: <...> I called most of the animals by the wrong names; the slightest sound made me jump out of my skin, for fear something had escaped, and to cap it all Lulu, *the chimp*, urinated copiously, loudly and with considerable interest in her own achievement, all over my lap. [27. Цит по: 4, С. 37].

Одно из крупнейших современных наземных животных – гиппопотам или бегемот, *hippopotamus*, представлено разговорным сокращением *hippo*. В настоящее время бегемот обитает по берегам пресноводных водоемов только в Африке к югу от Сахары и ведет полуводный образ жизни. Весьма характерная внешность бегемота, его величина и некоторые другие броские характеристики (массивное бочкообразное туловище на коротких толстых ногах, вес матерых самцов до 3 тонн, чрезвычайно толстая шкура бегемота) послужили основанием для метафорического переноса: в южноафриканском сленге *hippo* имеет значение ап “armoured police car” – бронированный полицейский автомобиль. Сокращение *hippo* послужило для негативной оценочной характеристики девочки-подростка со стороны сверстников, которые вывесили оскорбительный плакат-карикатуру на школьной доске объявлений с целью дискредитировать девочку и заставить ее снять свою кандидатуру на выборах на должность председателя школьного студенческого совета: It was a caricature of Lois Waller. And it depicted her as a big hippopotamus waving a little flag and wearing a campaign hat. The caption read: “*Hippos* belong in the zoo, not running the student council. <...> That got the attention of a group of eighth-grade boys passing by, and when they saw the poster, they all began making snorting noises that were supposed to be hippopotamus voices. “Vote for me, snort snort”, said one boy [33, С. 97]. Унизительное прозвище и оскорбительный провокационный текст к карикатуре были направлены на подрыв авторитета, имиджа и доверия, на умаление заслуг и создание негативного образа. Прозвище *hippo* равноценно синонимичным прозвищам для толстого человека типа широко распространенных *fatty, fatso, lard ass, lardo* и под., акцентирующих внимание на невысоком росте и чрезмерной полноте, но оно более жестоко и унижительно по своему прагматическому воздействию.

Разговорное сокращение *rhino* от *rhinoceros* отсылает к носорогу – крупному животному, получившему свое название из-за своеобразных рогов на конце морды. Врагов у носорога можно пересчитать

по пальцам: слоны, тигры и разъяренные буйволы, но самый страшный враг – человек, который истребляет носорогов из-за рогов, которые высоко ценятся в нетрадиционной медицине, так как якобы обладают уникальными свойствами, могут приносить удачу, даровать обладателю бессмертие. Рога носорогов очень ценятся в китайской медицине в качестве лекарственного сырья. Охота на этих животных в Африке ведется варварскими методами. Защитники животных бьют тревогу и для сохранения популяции предлагают создавать фермы по выращиванию носорогов: **Rhino Faming to the Rescue**.

<...> Poachers kill **rhinos** for their horns, which end up in Hong Kong, Taiwan and China. We in Africa are concerned that our **rhinos** are dying (Newsweek, Jan. 6, 1997 [13]).

Характер носорогов представляет собой странную смесь спокойствия, упрямства и взрывной ответственности. Поведение животного легко переносится на человека. В приводимом ниже отрывке из книги, рассчитанной на подростков, юноша, убирающий пыль в спортивном зале и заигрывающий с девушкой, сравнивается с атакующим носорогом: Randy charged at me with the vacuum and I jumped out of the way, squealing, “Hey! All I wanted to do was talk.” <...> He hurled himself at me like a **rhino** on a rampage, running around me in circles, the vacuum wobbling erratically in front of him [32, С. 115].

Неизменный интерес в зоопарках вызывает жираф, самое высокое наземное животное планеты. Жирафы обитают в саваннах Африки к югу и юго-востоку от Сахары. Сокращение **giro** от **giraffe** бытует в среде охотников.

Еще одно разговорное сокращение **coon**, производное от **raccoon**, в прямом значении служит обозначением хищного пушного зверька с темно-желтым густым мехом: **raccoon** – енот, енот-полоскун. Слово имеет значение «хитрец, ловкач, хитрый парень» в силу того, что зверек ухитряется избегать преследование собаками. В некоторых переносных значениях сокращение **coon** табуировано, поскольку используется в оскорбительных контекстах для обозначения чернокожего человека или австралийского аборигена, а в Южной Африке служит обозначением человека смешанной расы. В этих случаях **coon** – оскорбительный и обидный этнический ярлык, кодирующий в своей прагматике пейоративное отношение и установку на дегуманизацию, дискредитацию, пре-

зрение, пренебрежение и оскорбление [12]. **Coon** – обозначение афроамериканца, воспринимаемое ими как оскорбительное, в Англии и Австралии оно имеет расширительное значение и может употребляться по отношению к представителю любой «низшей» расы. В Англии **coon** – распространенный расистский эпитет в речи полицейских и белых из рабочей среды [7]. Оскорбительный эпитет **coon** нам встретился в речи подростка из внешне благополучной «элитной» семьи в романе М. Диккенс, который виновен в гибели чернокожего человека, но лицемерно заявляет о терпимости к «черномазым» (**coons**): <...> I’ve never had anything against the **coons**. There’s flocks of people at college blacker than the inside of your hat. They’re all right. They do not mix, of course [26, С. 290]. Аналогично, **monk** ← **monkey**, разг. обезьяна, мартышка бытует в американском сленге для обозначения китайца, живущего в США. По ходу изложения отметим, что в связи с развитием космонавтики и освоением космического пространства в 70-е годы прошлого века в английском языке появилось большое количество терминов, и было создано шутовское слово **astromonk** – обезьяна-космонавт.

Имеет смысл уделить особое внимание сокращениям австралийского варианта английского языка, отражающим уникальный животный мир Австралии. Сокращения составляют существенную часть местного варианта разговорного английского. Замечено, что австралийцы очень любят сокращать слова, делать язык более неформальным. Существует расхожая шутка, что при сильном желании быть принятым за австралийца, следует говорить слегка в нос, сокращать любое слово из двух и более слогов, добавляя к сокращению окончание на гласную, превращая все слова в диминутивы и пересыпая свою речь как можно чаще крепкими словцами.

Животный мир Австралии уникален тем, что на континенте нет диких жвачных животных и обезьян, но многочисленны пресмыкающиеся. Австралия славится редкими и эндемичными животными, хорошо известными во всем мире: kangaroo, koala, dingo, emu, platypus, echidna, lyrebird и другими, представляющими определенный интерес с лингвистической точки зрения. Большинство представителей фауны Австралии являются сумчатыми. Они привлекают внимание не только туристов, но и исследователей и ученых со всего мира. Сокращенные названия некоторых широко распространенных в Австралии животных

сопровождаются в словарях пометами *Aus.* или *австрал. разг.: dinger (Aus.)* ← *dingo* динго (одичавшая австралийская домашняя собака); *kanga* и *roo (Aus.)* ← *kangaroo* австрал. разг. кенгуру [3, с. 232]; *porc* ← *porcupine* австрал. разг. дикобраз [3, с. 324]; *rabbo* ← *rabbit (Aus.)* кролик, *bandy* ← *bandicoot* бандикут.

Дж. Грин зарегистрировал форму *dinger (Aus.)* как суффиговое сокращение от *dingo* – динго [28, с. 334]. Динго, по-видимому, были привезены туда первыми доисторическими переселенцами. В современной Австралии одичавшие собаки наносят большой урон животноводству, нападая на овец.

В приведенном списке сокращений австралийский кенгуру, считающийся символом Австралии, представлен двумя формами: *kanga* и *roo* ← *kangaroo*, т.е. название животного подверглось редукции дважды. Кенгуру – сумчатое животное, передвигающееся скачками на задних конечностях, что послужило основанием для метафорического использования сокращения *kanga* в значении *a pneumatic drill* (пневматическая дрель), которая, как и кенгуру вибрирует и подпрыгивает [28, с. 684. abbr. *kangaroo*, which also 'jumps up and down'].

Еще одно сумчатое животное, имеющее диминутивное название, – бандикут или сумчатый барсук: *bandy* ← *bandicoot*. Бандикуты – наземные зверьки небольшого или среднего размера, обитающие в Австралии и на Новой Гвинее, отличающиеся длинной остроконечной мордой и компактным туловищем и передвигающиеся, как и кенгуру, скачками, поскольку их задние ноги длиннее передних. Обычно бандикуты приземляются на все четыре лапы, затем отталкиваются от земли сильными задними конечностями.

В болотах и реках, расположенных на севере Австралийского континента, водятся два вида крокодилов: более мелкий узкорылый, и большой гребнистый, который опасен для людей. Для опасных рептилий в австралийском английском имеются сокращенные названия: *croc/crock (Aus.)* ← *crocodile* = *crocky (Aus.)* [28, с. 292], а также *dile*, причем *croc* за счет метафорических переносов обозначает *“a horse, esp. a broken-down, old horse”* [28, с. 292] старая, ни на что не годная лошадь, кляча; а также *“a line of schoolchildren, walking in pairs”* [28, с. 292] «гулянье парами длинной колонной», «змейка». Эти значения присущи и корреляту. Относительно недавно, в 1990-х, появилось разговорное суффиговое сокращение *freshie/-y* ← *a freshwater crocodile* [1990 s]

(*Aus.*) для обозначения австралийского пресноводного крокодила.

В семейство отряда крокодилов входят аллигаторы *alligators* – американский и восточноазиатский крокодил. В американском разговорном слово *alligator* сокращено до *gator* и помимо обозначения аллигатора имеет ряд разговорных и сленговых значений. Дж. Грин, к примеру, регистрирует *gator (US)* в значении «житель Флориды» *an inhabitant of Florida [the state's indigenous animal]* в результате метонимического переноса; в значении «знаток и любитель джазовой музыки» (*orig. US Bl.*) *a jazz fan*), а также как форму обращения между мужчинами (*a term of address used between two men*) [28, с. 469]. Последнее употребление характерно для афроамериканцев: *Gator* [1920's] short for *Alligator*; *one male friend to another* [31, с. 57]. В военном сленге *Gator* – десантный плавающий гусеничный транспортер (*muna* «Аллигатор») [1, с. 138], прототипом которого стала спасательная машина-амфибия, созданная американским инженером Дональдом Роблингом под впечатлением масштабов жертв разрушений мощного урагана, который опустошил Флориду в сентябре 1935 года. К концу года проект машины Роблинга, которая создавалась для спасательных работ в болотах Флориды, был готов, а спасательная машина-амфибия не без юмора была названа «Alligator» (болота Флориды кишат аллигаторами). Форма *gators* в речи афроамериканцев обозначает обувь из крокодиловой кожи [28, с. 469].

Сокращение *dino* ← *dinosaur (orig. US)* – динозавр, обозначает ископаемую рептилию мезозойской эры, часто достигающую огромных размеров. Оно может употребляться метафорически по отношению к человеку, отставшему от жизни, или к старомодной и несовременной вещи (*a person or thing that is considered to be out of date*), например, политика, который придерживается крайних позиций, отживших свой век политических взглядов; ретрограда.

Говоря о сокращениях и их коррелятах и отмечая ко-референтность, мы должны признать, что их употребление прагматически мотивировано. Представляется, что сокращения названий диких и опасных животных возникают на основе механизма эвфемизации, сопряженном с механизмом экономии: сокращенное название-диминутив психологически более привлекательно, оно как бы уменьшает страх перед хищником. А в случае с *Nessy/Nessie* ← *Loch Ness monster* (Лохнессское чудовище, огромное доисторическое животное, якобы обита-

ющее в водах шотландского озера Лох-Несс) достигает максимальный эффект психологического комфорта. Стоя перед выбором какую единицу выбрать – исходную (коррелят) или результирующую (сокращение), говорящий выражает разное отношение либо к обозначаемому животному, либо к коммуникативной ситуации, либо к ее участникам. Каждая из форм оказывает различное прагматическое воздействие на адресата.

Перейдем к структурным особенностям анализируемых сокращений. Они представлены одним разрядом – усечениями и являются либо чистыми усечениями различных типов, созданных способом апокопы или афerezиса, либо оформлены одним из диминутивных суффиксов (-ie/-y, -er, -o).

В поле зрения автора попали 38 разноструктурных сокращенных названий диких и одомашненных животных; причем некоторые из них представлены вариантными формами (например, dachs – dachsie – daxie; Neuf – Neufie, cros – crocky и dile; kanga и too). 16 сокращений образованы способом апокопы, т.е. усечением начальной части слова (peke, dachs, rom, lab, Neuf, mong, chimp, monk, hippo, giro, jack, kanga, roo, cros, dino) и всего 4 способом афerezиса, т.е. усечением конечной части слова (coon, roo, dile, gator), что в принципе согласуется с тенденциями образования усечений по продуктивным моделям. Одно сокращение создано эллипсисом (Border).

На общем фоне выделяются суффиксированные сокращения, созданные совмещением процессов усечения и суффиксации и оформленные в большинстве случаев диминутивным суффиксом -ie/-y (Scottie, Westie, Yorkie, dachsie/daxie, esky, Neufie, Rottie, gollies, bandy, crocky, freshie, hammie, budgie, Nessie). В оформлении единичных случаев участвуют суффикс -er и суффикс -o: dinger, rabbo.

Выводы

Структурный и словообразовательный анализ рассмотренных в статье сокращенных названий диких животных и животных, одомашненных человеком, выявил интересную тенденцию: из 38 сокращений 17 (или 45%) представлены суффиксированными образованиями, которые в большинстве случаев относятся к одомашненным животным или тем мелким животным и птицам, которых содержат в качестве комнатных или декоративных животных. Названия 19 диких животных представлены либо апокопой (10 сокращений), либо афerezисом (4 сокращения) и только 5 из них оформлены диминутивным суффиксом.

В отношении одомашненных животных вырисовывается другая картина. Из 19 сокращенных названий одомашненных животных представлены собственно усечениями только 6, т.е. около 32%. Преобладающее число сокращенных названий одомашненных животных – суффиксированные сокращения с уменьшительно-ласкательным суффиксом в их составе (*ie/-y, -er, -o*). Они создаются комбинированием процессов усечения и суффиксации.

Употребление разговорных усечений, оформленных уменьшительно-ласкательным суффиксом -ie/-y, характерно для ситуаций непринужденного общения. Можно сказать, что суффикс как бы облагораживает форму слова. Он предписывает употребление таких слов в ситуациях неформального непринужденного общения.

Интересно, что сокращенные названия животных, одомашненных человеком, представлены в основном названиями различных пород собак, а названия диких животных в основном теми, которые обитают в Африке, Южной Азии и Австралии, тех регионах, которые в прошлом были в составе британской колониальной системы и входили в экономические интересы метрополии и представляли или представляют собой по преимуществу предмет охоты или промысла или интерес для науки.

Отмечено действие омоакронимии, нередко сопряженной с языковой игрой, порождающей сокращения, омонимичные названиям животных, вызывающих определенные ассоциации и создающие ассоциативный образ.

Сокращенные названия животных (в основном диких) развивают метафорические и метонимические значения. Говорящий использует зооморфную метафору, возникшую на их основе, чаще всего для образной оценки человека, прежде всего его внешности, поведения, характера, интеллекта и др. Характеризуя этнические группы или их представителей с помощью зоометафоры, говорящий, как правило, дает им негативную характеристику.

Ограниченные рамки статьи не позволили дать нам всеобъемлющую характеристику растительного и животного мира на примере сокращений, например, птицам. Заинтересованного читателя мы отсылаем к статьям, посвященным сокращенным названиям животных, обитающим в водной среде [10] и названиям птиц и насекомых [11].

Список литературы:

1. Англо-русский военный словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Воениздат, 1968. – 1064 с.
2. Карен Буш. Все о собаках. Консультант проекта доктор Д. Г. Хессайон. Пер. с англ. – Кладезь-Букс, 2011. – 121 с.
3. Волкова Н. О., Никанорова И. А. Англо-русский словарь сокращений. 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2002. – 464 с.
4. Беляева М. Т., Соркина Р. И. Юмористические рассказы английских и американских писателей. – Л.: Просвещение, 1978. – 167 с.
5. Бодулева А. Р., Горшунов Ю. В. Сокращенно-производные слова в австралийском сленге // Пути совершенствования обучения иностранным языкам на неязыковых факультетах: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 28–29 мая 2010 г. – Бирск – С.-Петербург. – С. 124–128.
6. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. – М.: Воениздат, 1972. – 320 с.
7. Горшунов Ю. В. Прагматика аббревиатуры. – М.: Прометей, 1999. – 219 с.
8. Горшунов Ю. В. Новая лексика современного английского языка: суффиксированные сокращения // Актуальные проблемы образования: поиски и решения: сб. науч. – ст. Шадринск: ШГПИ, 2009. – С. 34–40.
9. Горшунов Ю. В. Лексикология современного английского языка. (Modern English Lexicology). – Бирск: Бирский филиал БашГУ, 2013. – 260 с.
10. Горшунов Ю. В. Животные, обитающие в водной среде (рыбы, ракообразные, моллюски), в сокращениях английского языка // Структурно-семантические, когнитивные, прагматические и другие аспекты исследования единиц разных уровней. Современные проблемы лингводидактики. Вып. 19. – Бирск: Бирский филиал БашГУ, 2017. – С. 17–22.
11. Горшунов Ю. В. Мир птиц и насекомых в сокращениях английского языка // Тенденции развития науки и образования. Научный журнал: материалы XXX международной научной конференции «Тенденции развития науки и образования» 30 сентября, 2017 г. – Часть 2 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2017. – С. 39–42.
12. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Этнические стереотипы и ярлыки как средство дегуманизации // Вестник Башкирского университета. – Том 19. – № 3. 2014. – С. 915–920.
13. Дюжикова Е. А. Аббревиация сравнительно со словосложением: Структура и семантика (На материале современного английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1997. – 340 с.
14. Дюжикова Е. А. Аббревиации в современном английском языке (когнитивно-дискурсивные аспекты): монография. Одинцово: АНОО ВПО «ОГИ», 2013. – 320 с.
15. Ильиченко Л. М. Компрессивное словообразование как один из способов реализации принципа языковой экономии / на примере современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск. 1993. – 17 с.
16. Костерина О. Н. Лексические сокращения в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2005. – 24 с.
17. Максимова Т. М. Современные тенденции развития сокращения как способа словообразования в английском языке. // Вестник Волгоградского государственного университета: Научно-теоретический журнал. Сер. 2. Языкознание. – Волгоград, 2003–04. – Вып. 3. – С. 85–91.
18. Нургалеева Т. Г. Аббревиация как средство экспрессивного словообразования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 19 с.
19. Рахманова И. Ю. Варьирование аббревиации в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 27 с.
20. Сахибгареева Л. В. Проблемы аббревиации в разноструктурных языках: деривационно-номинативные аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1998. – 134 с.
21. Сергеева Т. С. Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики – Тамбов: Грамота, – № 6 (24): в 2-х ч. – Ч. II. 2013. – С. 174–179.
22. Фантастика. Сб. рассказов англ. и амер. писателей. (На англ. яз.). Сост. Муравьев В. С. Изд-во «Прогресс», 1979. – 348 с. / Science Fiction: English and American Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979.

23. Ярмашевич М. А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2004. – 41 с.
24. Australian Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1975 / Австралийские рассказы. На английском языке. Изд-во «Прогресс», 1975. – 400 с.
25. Cannon G. Abbreviations and Acronyms in English Word-Formation / G. Cannon // American Speech. – Vol. 64. – No. 2. 1989. – P. 99–127.
26. Dickens M. The Heart of – London. Penguin Books, 1964. – 404 p.
27. Durrell Gerald. Menagerie Manor. Pan Macmillan Publishing, 2017. – 160 p.
28. Jonathon Green. Cassell's Dictionary of Slang. – London, 2003. – 1316 p.
29. Herriot James. James Herriot's Dog Stories. Pan Books, 1986. – 541 p.
30. Howard Elizabeth Jane. Getting it Right. Penguin Books, 1983 (1982). – 286 p.
31. Major Clarence. Dictionary of Afro-American Slang. International Publishers, – New York, 1975. – 127 p.
32. O'Connell, June. Time Out for Love. Bantam Books, 1992. – 152 p.
33. Pascal, Francine. The Unicorns at War (written by Alice Nicole Johansson). Bantam Books, 1995. – 69 p.
34. Patterson, James. The Big Bad Wolf. Headline Book Publishing, 2004. – 406 p.

Сведения об авторе

Горшунов Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного университета (Бирский филиал), Россия

Адрес: 450420 Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Ленина, 41

E-mail: gorshunov_rambler.ru; Тел.: 89053502851

ORCID: 0000-0003-4389-4385

Yu. V. GORSHUNOV,¹

¹ *Bashkir State University at Birsk, Russia*

SHORTENED NAMES OF WILD AND DOMESTICATED ANIMALS IN ENGLISH

Abstract: the article is devoted to linguistic and socio-cultural characteristics of shortened names of wild and domesticated animals.

Objective: the purpose of the article is to present a linguistic and socio-cultural description of the shortenings in the English language, reflecting the fauna of the planet – the animal world of wildlife and domesticated animals, to identify their structural types and pragmatic properties.

Methods: the research methods are determined by the purpose and objectives of the research. The main method is descriptive, implemented in the techniques of systematization, generalization and interpretation of linguistic material. Linguistic methods include contextual analysis, definitional analysis and semantic interpretation.

Results: it was revealed that among the domesticated animals, it is various breeds of dogs that have received abbreviated names in most cases, which reflects the huge role of the dog in human life and the variety of functions it performs. Abbreviated names of wild animals are predominantly of those that are hunted, or are of scientific interest. Structurally, the most numerous appear to be the abbreviations created by clipping the end part of a word. A few abbreviations are represented by the clippings of the initial part of the word and only one is the result of an ellipsis. In most cases, we deal with suffixed formations, which are created by the interaction of the processes of clipping and suffixation and are framed with the diminutive suffix *-ie* or *-y*.

Like their correlates, animal names abbreviations develop metaphorical and metonymic meanings. A zoomorphic metaphor on their basis is used by the speaker in most cases for an image-bearing and colourful assessment of a person,

his/her appearance, behavior, character, intelligence, etc., giving, as a rule, a negative characteristic to representatives of different ethnic groups. The phenomenon of homoacronymy is noted, often associated with wordplay, generating shortenings, homonymous with the names of animals, stirring certain associations and creating an associative image.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used when highlighting the problems of abbreviation in lectures and seminars in lexicology, language theory, stylistics, and text interpretation.

Keywords: shortenings, clippings, compound-clippings, (letter) abbreviations, acronyms, suffixed shortenings, creolized abbreviations, acronymic homonymy / homoacronymy, verbal play, wild animals, domesticated animals.

References:

1. Anglo-russkiy voyennyi slovar'. Izd. 2-ye, pererab. i dop. – M.: Voenizdat, 1968. – 1064 p.
2. Karen Bush. Vse o sobakakh. Konsul'tant proyekta doktor D. G. Khessayon. Per. s angl. Kladez'-Buks, 2011. – 121 p.
3. Volkova N. O., Nikanorova I. A. Anglo-russkiy slovar' sokrashcheniy. 4-ye izd., stereotip. – M.: Rus. yaz., 2002. – 464 p.
4. Belyayeva M. T., Sorkina R. I. Yumoristicheskiye rasskazy angliyskikh i amerikanskikh pisateley. – L.: Prosveshcheniye, 1978. – 167 p.
5. Boduleva A. R., Gorshunov YU. V. Sokrashchenno-proizvodnyye slova v avstraliyskom slenge // Puti sovershenstvovaniya obucheniya inostrannym yazykam na neyazykovykh fakul'tetakh: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 28–29 maya 2010 g. Birk – S.-Peterburg. – P. 124–128.
6. Borisov V. V. Abbreviatsiya i akronimiya. – M.: Voenizdat, 1972. – 320 p.
7. Gorshunov YU. V. Pragmatika abbreviatury. – M.: Prometey, 1999. – 219 p.
8. Gorshunov YU. V. Novaya leksika sovremennogo angliyskogo yazyka: suffigirovannyye sokrashcheniya // Aktual'nyye problemy obrazovaniya: poiski i resheniya: sb. nauch. – st. Shadrinsk: SHGPI, 2009. – P. 34–40.
9. Gorshunov YU. V. Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka. (Modern English Lexicology). – Birk: Birkiiy filial BashGU, 2013. – 260 p.
10. Gorshunov YU. V. Zhivotnyye, obitayushchiye v vodnoy srede (ryby, rakoobraznyye, mollyuski), v sokrashcheniyakh angliyskogo yazyka // Strukturno-semanticheskiye, kognitivnyye, pragmaticheskiye i drugiye aspekty issledovaniya yedinit raznykh urovney. Sovremennyye problemy lingvodidaktiki. Vol. 19. – Birk: Birkiiy filial BashGU, 2017. – P. 17–22.
11. Gorshunov YU. V. Mir ptits i nasekomykh v sokrashcheniyakh angliyskogo yazyka // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. Nauchnyy zhurnal: materialy XXX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya" 30 sentyabrya 2017 g. Chast' 2 Izd. NITS "L-Zhurnal", 2017. – P. 39–42.
12. Gorshunov YU. V., Gorshunova Ye. YU. Etnicheskiye stereotipy i yarlyki kak sredstvo degumanizatsii // Vestnik Bashkirskogo universiteta. – T. 19. 2014. – No. 3. – P. 915–920.
13. Dyuzhikova Ye. A. Abbreviatsiya sravnitel'no so slovoslozheniyem: Struktura i semantika (Na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka): Dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 1997. – 340 p.
14. Dyuzhikova Ye. A. Abbreviatsii v sovremennom angliyskom yazyke (kognitivno-diskursivnyye aspekty): monografiya. Odintsovo: ANOO VPO "OGI", 2013. – 320 p.
15. Il'ichenko L. M. Kompresivnoye slovoobrazovaniye kak odin iz sposobov realizatsii printsipa yazykovoy ekonomii / na primere sovremennogo angliyskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Pyatigorsk. 1993. – 17 p.
16. Kosterina O. N. Leksicheskiye sokrashcheniya v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Sankt-Peterburg, 2005. – 24 p.
17. Maksimova T. M. Sovremennyye tendentsii razvitiya sokrashcheniya kak sposoba slovoobrazovaniya v angliyskom yazyke // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta: Nauchno-teoreticheskii zhurnal. Ser. 2. Yazykoznaniye. – Volgograd, 2003. – 04. – Vol. 3. – P. 85–91.
18. Nurgaleyeva T. G. Abbreviatsiya kak sredstvo ekspressivnogo slovoobrazovaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2010. 19 p.
19. Rakhmanova I. YU. Var'irovaniye abbreviatsii v angliyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ufa, 2004. – 27 p.

20. Sakhibgareyeva L. V. Problemy abbreviatsii v raznostrukturnykh yazykakh: derivatsionno-nominativnyye aspekty: Dis. ... kand. filol. nauk.– Ufa, 1998.– 134 p.
21. Sergeeva T. S. Abbreviatura v sisteme leksicheskikh sokrashcheniy // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Tambov: Gramota, 2013.– No. 6 (24).– V. 2-kh ch. CH. II.– P. 174–179.
22. Fantastika Sb. rasskazov angl. i amer. pisateley. (Na angl. yaz.). Sost. Murav'yev V. S. Izd-vo "Progress", 1979.– 348 p. / Science Fiction: English and American Short Stories.– Moscow: Progress Publishers, 1979.
23. Yarmashevich M. A. Abbreviatsiya v sovremennykh yevropeyskikh yazykakh: strukturnyy, semanticheskiy i funktsional'nyy aspekty: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.– Saratov, 2004.– 41 p.
24. Australian Short Stories.– Moscow: Progress Publishers, 1975 / Avstraliyskiye rasskazy. Na angliyskom yazyke. Izd-vo "Progress", 1975.– 400 p.
25. Cannon G. Abbreviations and Acronyms in English Word-Formation / G. Cannon // American Speech. 1989.– Vol. 64.– No. 2.– P. 99–127.
26. Dickens M. The Heart of London. Penguin Books, 1964.– 404 p.
27. Durrell Gerald. Menagerie Manor. Pan Macmillan Publishing, 2017.– 160 p.
28. Jonathon Green. Cassell's Dictionary of Slang.– London, 2003.– 1316 p.
29. Herriot, James. James Herriot's Dog Stories. Pan Books, 1986.– 541 p.
30. Howard, Elizabeth Jane. Getting it Right. Penguin Books, 1983 (1982).– 286 p.
31. Major, Clarence. Dictionary of Afro-American Slang. International Publishers, – New York, 1975.– 127 p.
32. O'Connell, June. Time Out for Love. Bantam Books, 1992.– 152 p.
33. Pascal Francine. The Unicorns at War (written by Alice Nicole Johansson). Bantam Books, 1995.– 69 p.
34. Patterson James. The Big Bad Wolf. Headline Book Publishing, 2004.– 406 p.

Information about the author:

Yury V. Gorshunov, Doctor of Philology, Professor of Bashkir State University, Birk Branch

Address: 41 Lenin str., 452450, Birk, Bashkortostan, Russia

E-mail: gorshunov_@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4389-4385

Economics and management

Экономика и управление

UDK 711.7–163

DOI: 10.29013/AJH-21-7.8-50-56

S. A. KHASIKOV¹¹ Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, China

SHARING BICYCLES – A BLESSING OR A CURSE? CASE STUDY OF DATA-DRIVEN TOOL IMPLEMENTATION DESIGNED BY URBICA FOR VELOBIKE

Abstract

Objective: the purpose of this work is to introduce and conduct a study of the tool used to increase the efficiency of sharing bicycles.

Methods: the method of cases, case study, method of specific situational analysis, method of conducting a detailed analysis of a particular situation, which is used to achieve certain research goals.

Results: this paper considers application of Big Data analysis outcomes in the field of bike sharing for improvement of VELOBIKE sharing service. VELOBIKE is a bicycle rental service with dock stations, which is operated by Moscow city authorities. URBICA team designed and implemented data-driven tool. Compete analysis of present situation and data collected during previous seasons revealed certain patterns and allowed to visualize them. Two sided tool, which appeared to be an application with user friendly interface, was designed on the basement of these conclusions and allowed to increase amount of users trips and quality of the service.

Scientific novelty: an innovative approach of the efficiency enhancement of bike sharing service with dock stations is studied for the first time based on the methodology presented in the article.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and management activities of cities government when considering issues of increasing the capacity and efficiency of bicycle sharing services.

Keywords: sharing bicycle with dock station, distribution of fares, types of trips on rental bicycle.

For citation: S. A. Khasikov. Sharing bicycles – a blessing or a curse? Case study of data-driven tool implementation designed by Urbica for velobike // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – P. 50–56. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-50-56>

1. Introduction

The twenty-first century is the age of sharing culture. Residents of global megacities are ready to share many things – from umbrellas, tools and various means of transportation, to working places and even houses. Topic of this case study may seem especially surprising from this perspective – what could be more convenient

and democratic than modern comfortable bike, available anywhere at any time? It seems that this is a rhetorical question, which requires no explanations, but on practice it appeared to be impossible to ignore the context of the industrial economy transition to the information one. The idealistic idea of a bright bike as a symbol of a fair city accessible to everyone, regardless

of social status and income, has broken down due to aggressive rivalry between startups in conditions of excessed venture capital.

It can be argued that society was not ready for such a model of consumption, and freestanding city bicycle just outran its time. One can think that release of this product on the city streets without legislative regulatory framework and well prepared infrastructure was a premature mistake. But in this situation it is worth paying attention to the previous generation of sharing bikes, which were undeservingly forgotten. Bicycles with a dock stations have a huge undiscovered potential, which is detected due to analysis of the big data available in our technological time. This study is a perfect example of how, with the help of big data analysis and machine learning applications, Russian developers have been able to significantly increase the efficiency of “last mile” commuting, and thus make the city much more convenient for its residents. This Moscow case can become a reference example for city managers not only in China, but also all around globalizing world.

2. Stationary VS Dockless Bicycles

Prerequisites for the growth of bicycle sharing

In the 70 s, China was a “Bicycle Kingdom”, but in the late 90 s, the Chinese authorities struggled to “remove” bicycles to provide the development of the automotive industry. China became so successful in setting this trend, that in 2007 it had to think again how to return the bicycle on the streets to relieve cities from the crazy car traffic [1]. The first step in this process appeared to be the classic bicycle rental with stations, but city residents

found this approach uncomfortable, which led to relatively low speed of development of such systems.

OFO and MOBIKE, that offered dockless-rent, were founded in 2014/2015, and real boom of sharing bikes has begun. Citizens appreciated cheap price of this kind of transportation, and the authorities enjoyed the opportunity to improve the climate and environment conditions in the overcrowded capital cities. Sharing cycling started to grow at an explosive pace: by the end of 2017 there were 77 sharing cycling companies in China, and the total number of available bicycles reached enormous 23 million [2].

Problems of dockless bikes

It is easy to guess that critical oversaturation of the market followed initial ultra-success. Bikes have become the scourge of Chinese cities: some streets transformed into obstacle courses because of abandoned bikes. City authorities decided to remove cycles out of the city, but the problem remained.

For most companies, oversaturation initially seemed to be a normal transition in the industry. Bicycle sharing in China has followed simple strategy: first – to attract investments to lower prices for final users; second – start to dominate the market and to raise prices for a refund [3]. However, according to financial analysts, it is impossible to reach a payback with usage of such model [4].

At the same time, investors promoted the opinion that the product of bicycle sharing is not a lease itself, but users’ data, which will be converted into targeted advertising in the long term. In the struggle for customers, many companies were dumping prices and even offering free trips, which led to the closure of most startups due to bankruptcy.

Picture 1. Chaos vs order within different models of bicycle sharing

What's next?

Since the end of 2017, the authorities decided to regulate bike sharing with restrictions and fines [5]. As

a result, by 2018, only those who opened it – OFO and MOBIKE – remained on the market, but OFO had to significantly reduce its turnover and it is hard to tell whether

company is still alive. Meanwhile, the Chinese government is returning to the old scheme – adding more docking stations for rental bicycles.

3. Methodology of the Case Study

Case study research excels at bringing us to an understanding of a complex issue or object and can extend experience or add strength to what is already known through previous research. Case studies emphasize detailed contextual analysis of a limited number of events or conditions and their relationships. Researchers have used the case study research method for many years across a variety of disciplines. Social scientists, in particular, have made wide use of this qualitative research method to examine contemporary real-life situations and provide the basis for the application of ideas and extension of methods. Researcher Robert K. Yin defines the case study research method as an empirical inquiry that investigates a contemporary phenomenon within its real-life context [6–8]; when the boundaries between phenomenon and context are not clearly evident; and in which multiple sources of evidence are used.

Critics of the case study method believe that the study of a small number of cases can offer no grounds for establishing reliability or generality of findings [9]. Others feel that the intense exposure to study of the case biases the findings [10]. Some dismiss case study research as useful only as an exploratory tool [11]. Yet researchers continue to use the case study research method with success in carefully planned and crafted studies of real-life situations, issues, and problems [12]. Reports on case studies from many disciplines are widely available in the literature.

Many well-known case study researchers such as Robert Stake, Helen Simons and Robert Yin have written about case study research and suggested techniques for organizing and conducting the research successfully. This introduction to case study research draws upon their work and proposes six steps that should be used:

- Determine and define the research questions;
- Select the cases and determine data gathering and analysis techniques;
- Preparation for data collection;
- Collection of the data in the field;
- Evaluation and analyses of the data;
- Preparation of the report.

Case studies are complex because they generally involve multiple sources of data, may include multiple cases within a study, and produce large amounts of data for analysis. Researchers from many disciplines use the case study

method to build upon theory, to produce new theory, to dispute or challenge theory, to explain a situation, to provide a basis to apply solutions to situations, to explore or to describe an object or phenomenon. The advantages of the case study method are its applicability to real-life, contemporary, human situations and its public accessibility through written reports [13–14]. Case study results relate directly to the common reader's everyday experience and facilitate an understanding of complex real-life situations.

4. VELOBIKE Case Study

What is VELOBIKE and who are URBICA?

“Velobike” is a bicycle sharing system with doc stations run by the city of Moscow, Russia. Moscow is the largest urban agglomeration in Russia and Europe with a permanent population of about 17 million people. As most capital cities of developing countries, Moscow is also suffering from overpressure on existing transportation system. “Velobike” is one of the tools, specially developed for mitigation of car traffic in city center and providing commuters alternative ecological public transport. Main costs of this service are covered by institutional investors while operating costs are covered by the city of Moscow. The system is successfully working since its opening in 2013. In 2018 this bicycle sharing service had 424736 registered users and 4.25 million performed journeys during summer season [15].

According to official web site, URBICA is Moscow based team of developers, cartographers, designers and data analysts, who are focusing on human experience in the cities [16]. URBICA is successfully working in the fields of information design, user interface design, service design, architecture, environmental design, data analysis and ethnographic research.

URBICA team was given the task to improve operation of Velobike and solve one of most critical problem, that can significantly deteriorate users experience from the whole service – as it grew more popular in Moscow, so did the frequency of situations when users ran into the problem of zero available bikes or zero empty docks. Such phenomena of empty or full stations is called “dockblocking” [17–18].

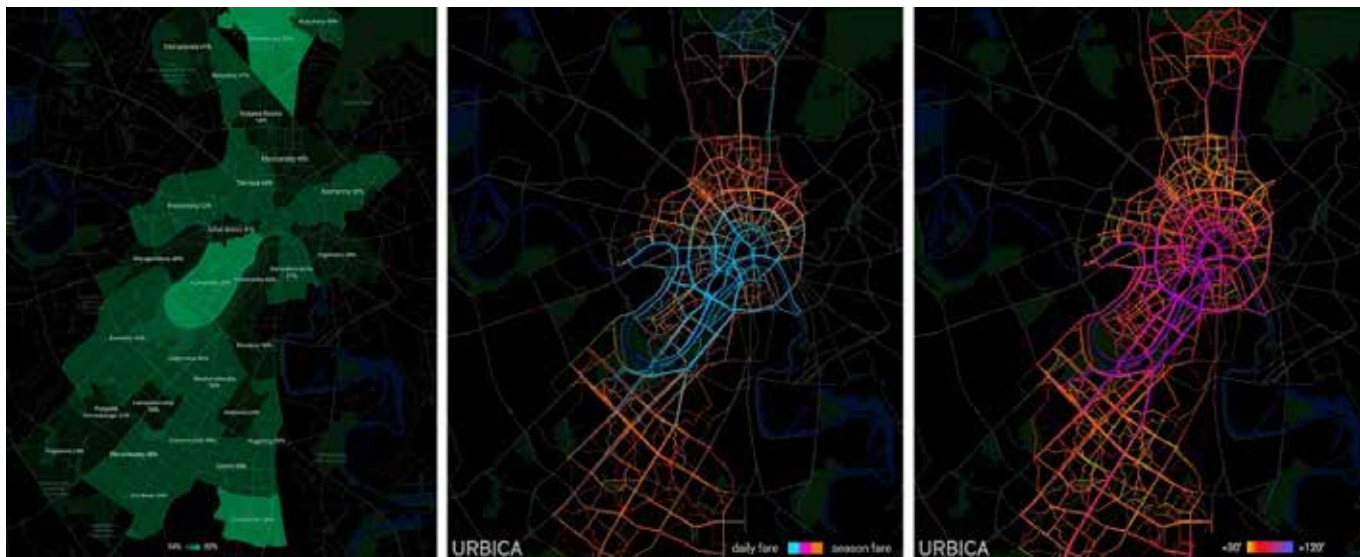
Analyses of present situation

Work on the project of optimization of the city bicycle rental network started from the statistics analysis of users rides. The data, provided by the Department of transport of Moscow city, contained information on the duration of the trip and what fares were used for each one of them. Analyses allowed to identify following patterns of fare types: “Day” fare is used for long rides on the em-

bankments and across the historical touristic downtown (34% of the total number of trips); “Season” fare is more often used for short and regular trips between districts (55% of all trips); “Month” fare appeared to be not so popular – only 11% of all trips (Picture 2).

One of the parameters that also needs to be considered is distribution of fares for each station on different

days of the week. The most popular fare on weekends is “Day”, but on weekdays it appeared to be “Season”. Obvious dependence of the bike rental on weather conditions is also confirmed – cyclists with the “Day” fare are much less likely to ride a bike in rainy weather and at low temperatures, but users of “Season” and “Month” fares are almost not bothered by bad weather (Picture 3).

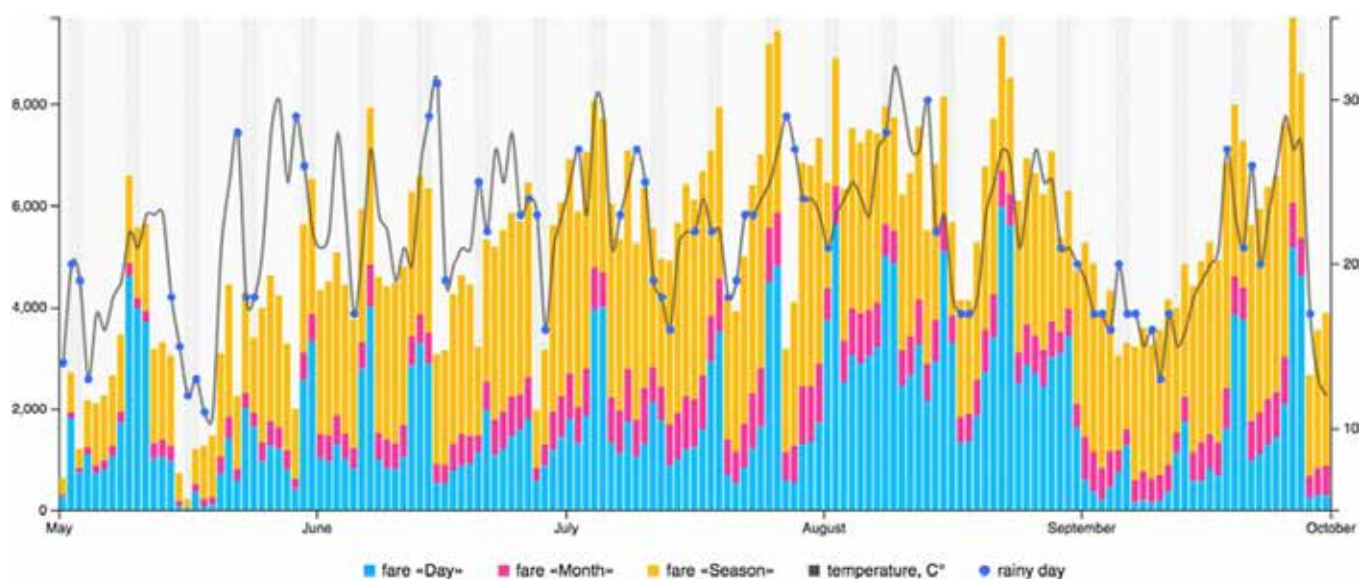

Picture 2. Percentage of trips within district, distribution of fare types and duration of rides

Revealed fare patterns and its distribution, trips duration and priority of fare usage according to the day of the week allowed to define three main types of rides:

1. “Ride for fun” (24% of total trips) – cycling with a return to the same station. This type of activity in residential areas is popular not only on weekends, people enjoy short time bicycle rides near their houses even after work.

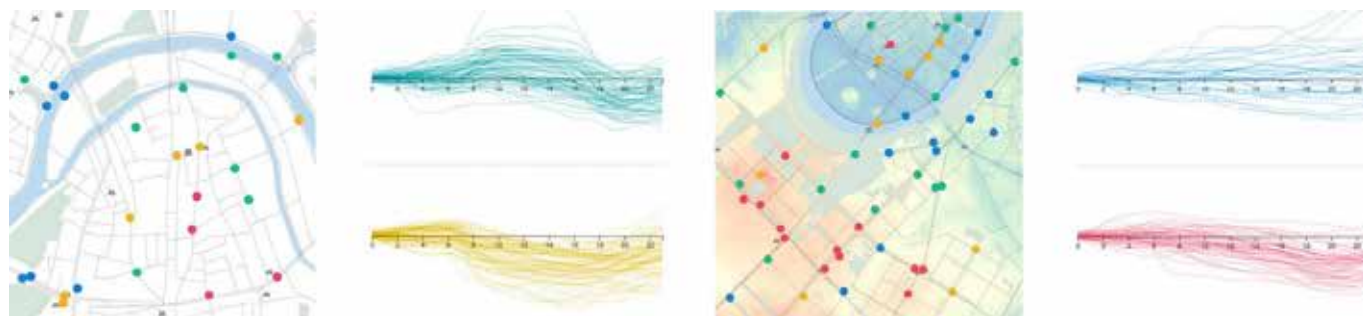
2. “Trip between metro stations” (14% of total trips) – a ride started and completed near two metro stations. This trip is not always a replacement of the metro; it can be a ride around the city. The average trip time on weekdays – 35 minutes, and on weekends – 48 minutes.

Picture 3. Distribution of trips at different fares for each day

3. “Trip from metro to address” (20% of total trips) – rides, that usually begin near metro stations, and end at the bike stations, which are not. In fact, this type of travel is so called “last mile”, replacing the bus or long walk. The average duration of such ride on weekdays is 26 minutes.

The next stage of a more detailed study, for application of a long-term strategy of cycling development in conjunction with the entire transport system of Moscow, was the analysis of the docking stations. Data on the operation of the service allowed to cluster stations into four groups: stations getting empty in the morning and getting refilled by the evening; stations collecting bicycles in the morning and getting empty again in the evening; stations remaining empty throughout the whole day; station collecting bicycles throughout the day. These groups can be combined into two pairs that follow consequential patterns (Picture 4).

Picture 4. Self-rebalancing stations. Stations continuously accumulating and expending bikes

5. Solution

How does URBICA solves problem of “dockblocking”?

After complete analysis of the bike rental service statistics, URBICA team created a demand forecasting algorithm to help track and dispatch bikes among stations, so that they are always sufficiently supplied. It is a two-sided tool with a convenient user interface that predicts station demand and consists of a dispatcher to track bike availability and a Telegram Bot that sends automatic notifications to drivers and issues rebalancing tasks (*Exhibit 5*). In practical terms, operation teams can “rebalance” the system – shift bikes from full stations to empty ones. However, employing a dispatcher that guides the transfer of bikes with the help of special trucks strategically navigated to pick-up and drop-off points around the city amounts to considerable expenditure on maintenance.

How is this process organized?

A supervisor surveys a map that displays bike availability at every station and decides which truck to direct to which station and the amount of bikes to be redistributed. Trucks have regular routes at night in order to

First pair of groups can be explained by commuting during weekdays – dock stations located inside residential districts get empty in the morning; at the same moment, stations near subway collect these bicycles. On the contrary, stations located in the business districts, get empty close to the subway, but amass bikes near office buildings every morning. The opposite situation can be observed in this groups in the evening.

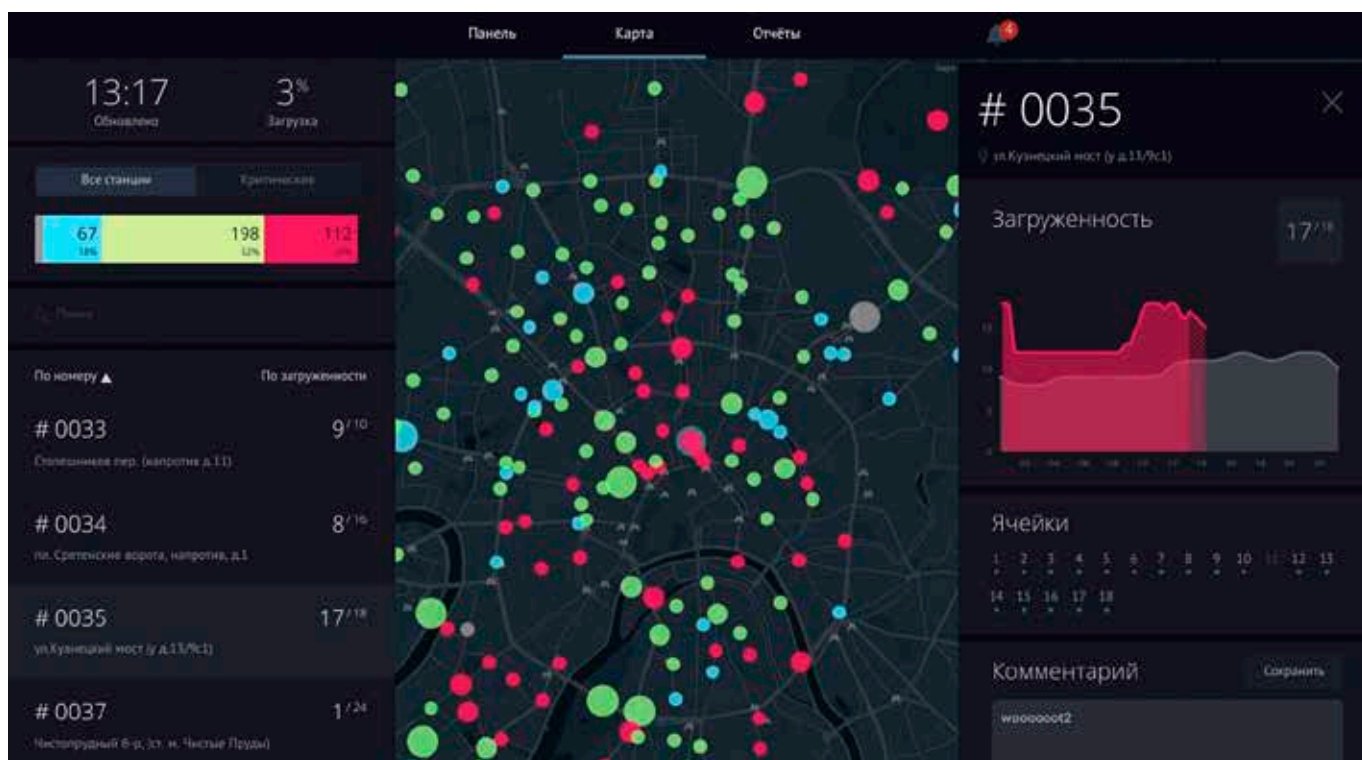
Second pair can be combined together due to the glance at the topography map. Terrain makes some stations constantly loose bicycles, and some constantly accumulate them. Station that is situated on the famous Vorobyov Hills viewpoint is in high demand among users who are willing to enjoy their ride down to the embankment of the Moscow river. On contrary, there are almost no cyclists who are willing to return a bicycle to a dock station here.

prepare high demand stations for the morning rush, but when demand increases above normal levels or follows an abnormal pattern, dispatchers and fleet technicians are not able to provide stations with the needed amount of bikes. Without reliable prediction tools, the operations team can only react to the current situation based on their own experience.

Forecasting demand

The developed prediction algorithm takes into account several different input parameters, including the historical availability of bikes at every station per hour and the distribution of ridership. This is sufficient data to inform fleet techs about stations in need of bikes and stations likely to be full in order to balance the system.

According to URBICA report, the system was tested during summer season of 2018 and, in the process, it turned out that many of the operations normally performed by a manager can be easily automated. With the help of machine learning, it is possible to free up time for dispatchers and optimize logistics which may help reduce the quantity of automobiles and reduce the cost of rebalancing.

Picture 5. General user interface for supervisors

At the end of 2014 rental scored a little more than 100 thousand trips. Due to URBICA tool, users made 2.4 million trips at the 380 stations at the 2018, and it is 50% more than previous season.

6. Conclusion

The example of the “Velobike” case demonstrates an interesting paradox: an in-depth meaningful analysis and return to operation of the previous generation of rental bicycles, which seemed to be technically outdated and did not meet the needs of modern citizens, allowed them to take a worthy place in the future – bicycles with dock stations took a step back, in order to make two steps forward later. Unfortunately, understanding that the consumer society needs to get prepared for sharing culture is constantly increasing in 2019. The variety of multicolored bicycles, which seemed to be a panacea in the field of ecological transportation, threatens to become another man-made apotheosis of human greed – the scale of the so-called “temporary bicycle storage” parking lots are capturing imagination. It is impossible not to notice the contradiction between their widespread appearance and the generally accepted declaration of value and respectful exploitation of natural resources. A tool

designed to make the city more convenient and eco-friendly, enthusiastically accepted by both ordinary citizens and city management, was too rashly and prematurely placed on the banner of the sharing culture, discrediting and causing significant damage to the idea itself.

Of course, it would be too foolish to deny that free-standing city bike is the future. But at this stage, in addition to the lack of a culture of such a product usage, the infrastructure, as well as the legislative framework, are also vitally needed. The formation of the abovementioned conditions will take time, and exactly on this transit period flourishing of bicycles with docking stations should come. The “Velobike” case proves that the use of a modern analytical approach based on big data and machine learning can significantly improve the efficiency of the service, and as a result, make the city more comfortable for its residents. Bicycles tied to stations can also be convenient and affordable. Proper planning of docking stations location and well-planned flexible work of operational teams are able to bring the service to a new level that fully meets the needs of residents of megacities of the twenty-first century.

References

1. Poddubchak Y. Veloshering v Kitae: bol'she ne znachit luchshe (Bikesharing in China: more does not always mean good), 2019. (In Russian). Available from: URL: <https://truesharing.ru/tp/16817>

2. Deljukin E. Vzljet i padenie kitajskogo rynka arendy velosipedov: istorija Ofo i Mobike (Up's and down's of bikesharing market: the story of Ofo and Mobike), 2019. (In Russian) Available from: URL: <https://vc.ru/transport/57326-vzlet-i-padenie-kitajskogo-rynka-arendy-velosipedov-istoriya-ofo-i-mobike>
3. Mobike Global. Recycling, refunding and redesigning: unveiling mobike's new growth initiatives, Mobike, 2018. Available from: URL: <https://www.mobike.com/global/blog/post/growth-initiatives>
4. Romashkevich A. Veloprokat bez stancij: vesti s polej (Bikesharing without dock stations: latest news). Velonation, 2018. (In Russian). Available from: URL: <https://velonation.bike/2018/03/05/docklessbike>
5. Kunzing R. To build the cities of the future, we must get out of our cars, National Geographic, 2019. Available from: URL: <https://www.nationalgeographic.com/magazine/2019/04/to-build-cities-of-the-future-stop-driving-cars>
6. Yin R. K. Case Study Research: Designs and Methods, SAGE: – London, Thousand Oaks, New Deli, 1989.
7. Yin R. K. The Case Study Anthology, Thousand Oaks, CA: Sage, 2004.
8. Yin R. K. Case Study Research: Designs and Methods, Thousand Oaks, CA: Sage, 2009.
9. Eisenhardt K. M. Building theories from case study research, Academy of Management Review, – 14(4). 1989.
10. Ellet W. The case study handbook: How to read, discuss and write persuasively about cases, – Boston (MA): Harvard Business School Press. 1989.
11. Easton G. Critical Realism in Case Study Research, Industrial Marketing Management, – 39, 2010.
12. Naumes W. The Art & Craft of Case Writing by William Naumes and Margaret J. Naumes. M. E. Sharpe, Inc. 2006.
13. Stake R. E. The Art of Case Study Research, Thousand Oaks, CA: Sage, 1995.
14. Stake R. E. Qualitative Case Studies / Denzin N., Lincoln Y. – 3rd edition, Thousand Oaks, CA: Sage, 2005.
15. Dolgova A. Sistema besstancionnogo veloprokata mobike vot-vot pojavitsja v Rossii. Chto o nej nuzhno znat' (The Mobike bike rental system is about to appear in Russia. What do you need to know about it?), University "Strelka", 2018. (In Russian). Available from: URL: <https://strelkamag.com/ru/article/mobike>
16. URBICA, Improving Moscow's bike share, – Urbica, 2018. Available from: <https://medium.com/@Urbica.co/improving-moscows-bike-share-58007a932d5>
17. URBICA, Velobike, – Urbica, 2017. Available from: URL: <https://v3.urbica.co/velobike>
18. URBICA, Velosipedi v gorode (Bicycles in the city), – Urbica, 2015. (In Russian). Available from: URL: <https://medium.com/russian/велосипеды-в-городе-230eb284b244>

Information about the author

Sergei Khasikov, Shanghai Jiao Tong University, Shanghai
 Address: Shanghai, Minhang District, Dongchuan Street, 800, China
 E-mail: khasikovsergei@yandex.ru; Tel.: +86 21 54-74-00-00
 ORCID: 0000-0002-3993-6186

Contents

History and archaeology	3
<i>G. A. Bilyalova</i>	
ORIGIN, WRITING, RELIGION OF THE NAIMANS	3
Linguistics	15
<i>A. B. Yunatska</i>	
RECOVERING NATIVE AMERICAN IDENTITY: INTERCULTURAL AND LINGUISTIC PERSPECTIVES ON DIVERSITY	15
Pedagogy	23
<i>Yu. I. Baltsevich</i>	
INTERCULTURAL COMPETENCE BASED ON A SITUATIVE APPROACH IN STUDENTS' PROFESSIONAL SOCIALIZATION	23
Psychology	29
<i>V. V. Bondarchuk, S. B. Ivanova, N. M. Kravchenko, T. D. Klyushanova</i>	
IMPROVEMENT OF PSYCHOPHYSIODIAGNOSTIC RESEARCH IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS	29
<i>H. Slobodianiuk</i>	
COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF PSYCHOLOGICAL COMPETENCE OF FUTURE MATHEMATICS TEACHERS IN ISRAEL AND UKRAINE	34
Philology	38
<i>Yu. V. Gorshunov</i>	
SHORTENED NAMES OF WILD AND DOMESTICATED ANIMALS IN ENGLISH	38
Economics and management	50
<i>S. A. Khasikov</i>	
SHARING BICYCLES – A BLESSING OR A CURSE? CASE STUDY OF DATA-DRIVEN TOOL IMPLEMENTATION DESIGNED BY URBICA FOR VELOBIKE	50